

АЛЕКСЕЙ ДЕЛЬНОВ

КИТАЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

ОТ СЫНА НЕБА ДО МАО ЦЗЭДУНА

Величайшие империи человечества

Алексей Дельнов

**Китайская империя. От
Сына Неба до Мао Цзэдуна**

«Алисторус»

2013

УДК 393
ББК 63.3(2)

Дельнов А. А.

Китайская империя. От Сына Неба до Мао Цзэдуна /
А. А. Дельнов — «Алисторус», 2013 — (Величайшие империи
человечества)

Китай, как известно, богат древними достопримечательностями, природными красотами и великой историей. Книга Алексея Дельнова о Китае не просто первая в современной России иллюстрированная история Китая от основания государства до наших дней. Это уникальный по содержанию и оформлению труд по всей многотысячелетней китайской истории. Сотни иллюстраций, экскурс в религию, философию, описание быта китайских императоров и их подданных... Книга написана легко и остроумно – это интересное и познавательное чтение. История Китая словно играет жанрами, представляя перед нами то мелодрамой, то романом, то остросюжетным боевиком. Поэтому берите книгу в руки, листайте страницы, и за интереснейшим чтением не заметите, как откроете для себя древнюю и загадочную страну, которую только мы называем «Китай».

УДК 393
ББК 63.3(2)

© Дельнов А. А., 2013
© Алисторус, 2013

Содержание

Часть I. Доимперский Китай	6
Истоки Поднебесной	6
Мифы Древнего Китая	18
Шан: на вершине могущества	25
Падение царства Шан	31
Начало Чжоу	35
Западное Чжоу	43
Женщина в старом Китае	56
Восточное Чжоу – «весны и осени» (Период Чуньцю)	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Алексей Дельнов

Китайская империя. От Сына Неба до Мао Цзэдуна

© Дельнов А. А., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

* * *

Жизнь человека между Небом и Землей мимолетна, как полет мухи-однодневки, но каждый из людей страшится уйти из этого мира, не оставив о себе памяти. Почему так? Да потому, что они хотят оставить после себя нечто нетленное. А нетленное – это только иметь свое имя занесенным на бамбук и шелк. Ибо тогда люди, пришедшие после них, могут развернуть исписанные свитки, встретиться в своем воображении с мудрецами древних времен и, не покидая своего дома, обозреть жизнь тысячи поколений. Встретив пример, достойный подражания, они постараются стать лучше, а встретив образчик низости, постараются узнать, нет ли и в них того же. Вот из чего истекает великая польза истории.

Лю Чжици. VIII в.

Часть I. Доимперский Китай

Истоки Поднебесной

Если рассматривать историю Китая в аспекте территориальном, начинать надо с синантропов. Эти ископаемые гоминиды, сородичи питекантропов, жили здесь более 200 тысяч лет назад. Впервые их останки обнаружили на рубеже 1920-х – 1930-х гг. в пещере под Пекином, потом их находили в других регионах Поднебесной. «Синантроп» и значит – «китайский человек». Но был ли он уже китайцем – трудно сказать. С одной стороны, исследования показали, что он явно имел характерные монголоидные черты современных своих земляков. Но не менее весомо предположение, что синантроп был тупиковой ветвью эволюции. Кто-то оказался сильнее – болезни ли, зверье или неизвестно откуда заявившиеся двуногие конкуренты, не удостоившие археологов своими останками. А может быть, синантропы ушли неизвестно куда, и на своих путях перемешались с кем-то – так что изменились до неузнаваемости. Конечно же, подобные соображения могут показаться очень спорными людям патриотически настроенным – предпочитающим вести свою родословную и родословную своего народа если уж не от конкретных отпрысков Адама с Евой, то хотя бы от местной человекообразной обезьяны, склонной к национально специфическому способу прямохождения. Но что поделаешь – все современные народы, не исключая и обитателей крошечных джунглей Амазонки – безнадежные метисы. Возьмем великороссов – в нас, может быть, не меньше от финнов, чем от славян (это если еще не скрести в поисках татарина или кого-то другого).

Китайский народ весьма многолик. Причем истоки этого разнообразия, скорее всего, даже не лежат в пределах одной только монголоидной расы. Но не будем измерять черепа: куда важнее то, что культурные отголоски долетали до первокитайцев, обитавших в среднем течении Хуанхэ, аж с Ближнего Востока. Не говоря уже о степях Евразии, сопках Маньчжурии, тунгусской тайге, Иране и Индии.

На берегах Хуанхэ, на Северо-Китайской равнине, еще точнее – на Лессовом плато обнаружены и неплохо исследованы две сменявшие друг друга (вернее, наложившиеся одна на другую) археологические культуры.

Первая – Яншао, «культура крашеной керамики», возраст которой – до 6 тыс. лет. Ее творцы не знали гончарного круга, но их горшки и прочая посуда отличаются несомненной гармоничностью форм и характерной китайской приплюснутостью, красивыми и смелыми орнаментальными узорами, а также процарапанными по сырой глине изображениями всякой реальной фауны и фантастических существ. Температура обжига доходила до 1500°C – это очень немало, хороший задел для грядущей металлургии. Хотя пока яншанцы обходились орудиями из мастерски обработанных камней, а для дел потоньше – из кости.

Самым грозным оружием был лук. Жили люди в полуполземлянках с очагами посредине, выращивали на заботливо ухоженных полях просо (чумизу), разводили свиней и собак. Кстати, чтобы внести ясность по последнему пункту: есть основания полагать, что уже эти протокитайцы держали разные породы собак и четко различали, какая из них – друг и помощник человека, а какая годится на мясо – для чего усиленно откармливалась зерном. Свинина же – это фирменный национальный вкусовой ингредиент, характерный и для современной китайской кухни. Другие окрестные неолитические сообщества, вплоть до Ближнего Востока, предпочитали коров и овец (кстати, китайцы на протяжении всей своей истории почти напрочь не признавали молока и молочных продуктов, и только в XX веке пристрастились к мороженому).

Налицо начало разделения труда: некоторые землянки – это гончарные мастерские. Базовой ячейкой была большая семья, руководимая главой – патриархом, под чьей властью пребы-

вали все его домочадцы: жена (жены), дети, жены сыновей, внуки, его братья и незамужние сестры и т. д. и т. п. – вплоть до нашедших у него пристанище безродных аутсайдеров.

В каждом поселке имелось строение, выделявшееся вместительностью: очевидно, это общинный культовый центр, не исключено, что одновременно – и жилище вождя, являвшегося по совместительству верховным жрецом. Сходство изображений на посуде, найденной в различных селениях, говорит о религиозном единстве их обитателей: ведь и орнамент, и фигурки в те далекие времена обязательно несли в себе магическое содержание.

Бронзовый ритуальный сосуд в форме коровьих сосков (3–2 тысячелетие до н. э., культура Луншань)

Жившие здесь позднее (вплоть до начала 2-го тыс. до н. э.) представители культуры Луншань обитали примерно в таких же полуземлянках, что и предшественники. Но знали уже гончарный круг, а кое-где обнаружены и первые металлические изделия. Главное же – имели тесные связи с внешним миром: на полях заколосилась ближневосточная пшеница (рис появится

еще не скоро, и придет он с юга), побрели на пастбища явно позаимствованные у кого-то козы, овцы и коровы. Особенно интересны свидетельства существования практики гадания на костях: это один из основополагающих источников китайской духовной культуры, из него впоследствии родится знаменитая и загадочная книга «Ицзин» («Книга перемен»).

С появлением бронзы дела пошли быстрее. Не всегда, правда, в гуманном направлении. Некоторые поселки – те, что побольше, обзавелись высокими круговыми стенами, в глине которых при раскопках находят наконечники стрел. Случаются и находки пострашнее – останки сваленных в кучу обезглавленных трупов (возможно, это свидетельство зарождения еще одной традиции – в ранних китайских царствах, а потом и в империях, вплоть до цинской, воин получал награду, предъявив как свидетельство своей доблести хотя бы одну вражескую голову).

Планировка поселков говорит о наличии кланов, в которые объединялись родственные «большие семьи». Кланов будут являться важной структурной единицей китайского общества на протяжении всей его истории. Появились новые орудия труда, обильнее стали урожаи – а значит, появляется избыточный продукт, позволяющий избавиться от каждодневных забот о хлебе насущном вождя, тех, кто помогает ему в управлении и на войне, жрецов, общепольных специалистов (в первую очередь кузнецов). «Процесс пошел» – а как пошел, первым осмыслил Фридрих Энгельс в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», а потом множество других исследователей (которые из схожих посылок зачастую делают прямо противоположные выводы. Очень рекомендую работы известного историка-востоковеда Л. С. Васильева).

Мы же просто зафиксируем, что за стенами городищ над традиционными полуземлянками возвысились вполне добротные деревянно-глинобитные дома, устроенные на плотно утрамбованных платформах (так плотно, что и через три тысячи лет хоть строй на них снова).

Важнейшие раскопки произведены близ современного Аньяна (провинция Хэнань). Некоторые из тамошних зданий иначе как дворцами не назовешь, а окружающие их строения – явно дворцовые службы и жилища придворных и челяди. Вожди становились царями, по-китайски – ванами, повелевавшими ближними и дальними поселениями, а затем и окрестными диковатыми племенами. Постепенно сложилось древнейшее царство Шан (иногда употребляется название Инь).

Ну что ж, к тому и шло. Тем более что уже сумели запрячь (но пока не оседлать) лошадей. Появились телеги, а главное – боевые колесницы, самое мощное и самое аристократическое оружие на ближайшие столетия. Еще одна загадка истории. До той поры протокитайцы применяли колесо только как гончарный круг, да и это приспособление они, скорее всего, у кого-то позаимствовали. В этом не надо усматривать ничего сколь-либо для них уничижительного: колесо – это изобретение из разряда эпохальных, мирового значения. Из тех, что успевали разойтись из первоисточника по всему белому свету, прежде чем кто-то где-то озарялся на подобное же. И приручение лошади – событие того же масштаба. Лошадь одомашнили индоевропейцы-хетты в Малой Азии, и они же изобрели боевые колесницы. Мало того: в южносибирских степях, самом близком к Китаю ареале распространения лошадей, годные для приручения породы тогда вообще не водились. Так откуда же взялись на берегах Хуанхэ колесницы, эти царицы боевых полей – сначала двуконные, а потом и четырехконные упряжки?

Бронзовый кубок (2 тысячелетие до н. э., эпоха Шан)

На возможный вариант ответа указывают как данные археологии – среди множества обнаруженных черепов попадаются экземпляры явно индоевропейского типа, так и мнение некоторых палеолингвистов: в древнейшей основе китайского языка присутствуют и индоевропейские элементы.

Впрочем, новации могли занести не сами хетты, и скорее всего это сделали не они. Колесницы быстро разнеслись по всему Ближнему Востоку и Иранскому нагорью – этой предполагаемой колыбели индоевропейцев, а двинувшиеся на юг волны ариев, перевалив через Гималаи, завоевывали с их помощью Индию.

С другой стороны, в истории все возможно. Как правило, зарождающаяся цивилизация обладает особой притягательной силой, и, помимо изумленных варваров, к ней устремляются и уроженцы старых культурных центров – как одиночки, так и целые племена. Те, кому почему-то не нашлось подобающего места на родине, кто проиграл в междоусобной или в более масштабной войне (это не исключает, а скорее предполагает, что некоторая часть пришельцев могла попытаться утвердить свой авторитет на новом месте с помощью оружия). Китайская цивилизация имеет долгую историю – но она не древнейшая. Египетская, шумерская как минимум на два тысячелетия старше, старше и индийская. А хетты как раз в описываемое время агрессивно и довольно успешно наседали на владения фараонов. Еще на тему, что культура не знает границ: среди найденного на берегах Хуанхэ оружия нередко попадаетея богато украшенное в знаменитом «зверином стиле», свойственном искусству сибирских и алтайских кочевых народов.

Как бы там ни было, воины раннего царства Шан (столицей которого, возможно, и было раскопанное близ Аньяна городище), в виде колесниц получили победоносное оружие. В несущейся на врага колеснице обычно умещалось трое: возница, позади него лучник, а справа (чтобы не было помех «рабочей» руке) – копьеносец, он же обычно «командир экипажа» из числа военной аристократии. Вслед за колесницей наступала цепочка пехотинцев – но им, конечно, за конями было не поспеть, их роль была скорее вспомогательная – «зачистить» территорию, скрутить и угнать в стан пленников.

Воевали с кочевыми и полукочевыми племенами, воевали и с «себе подобными». Древнекитайская цивилизация складывалась не в одном центре, одновременно с Шан относительно самостоятельно развивались, например, ранние государства неподалеку к западу, в Сычуани – там тоже успешно осваивали бронзу и все сопутствующее.

Бронзовое изображение предка (2 тысячелетие до н. э.)

Понятно, что такое усложнение военного дела – в виде и «материального обеспечения», и требующегося боевого мастерства, индивидуального и полководческого, – не могло не привести к резкому расслоению шанского общества. Теперь оно делилось не только на тех, кто правит и тех, кто подчиняется, – но и на тех, кто преимущественно воюет и тех, кто преимущественно мотыжит поле (а иногда и воюет – или сопровождая колесницу, или участвуя в отражении агрессии). А если не мотыжит, то кует, строит, ваяет, украшает, прислуживает – или каким-либо другим образом участвует в общественном разделении труда. Впрочем, этих, по сути, первых горожан (таковой была также и знать, военная и управляющая) пока было довольно немного – земледельцы жили (и очень долго еще будут жить) преимущественно натуральным хозяйством. В Китае вскоре появятся огромные для своего времени города – но в целом процент городского населения обычно был невелик.

Словом, общество довольно отчетливо разделилось на знатных и простолюдинов (быстро привыкшие важничать господа стали несколько пренебрежительно называть своих трудящихся соотечественников «черноголовыми» – можно подумать, что сами как один были блондинами).

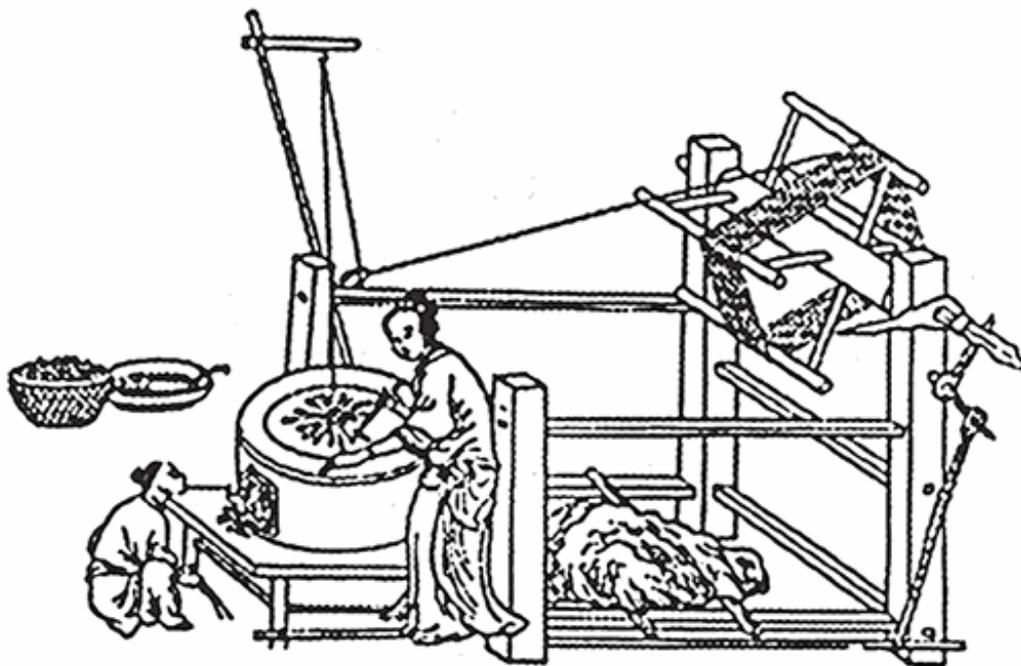
Еще в обществе становилось все больше рабов (но очень много их никогда не было). А в орбиту тесных отношений попадали, становясь зависимыми, все новые варварские племена. Которые в недалеком будущем (что такое для истории пара веков?) в большинстве своем станут считать себя природными китайцами. Но об этом мы поговорим попозже.

Ванов хоронили в гробницах под высокими курганами. При этом свершалось страшное кровавое действо: вслед правителю в загробный мир отправлялись верные соратники, жены, наложницы, слуги, рабы. Хорошо еще, что мы знаем об этом не в подробностях, а преимущественно по данным археологии: можем, по крайней мере, надеяться, что большинство убиенных покинуло белый свет по своей воле (хотя у рабов и слуг вряд ли спрашивали их согласие).

Нам трудно прочувствовать эту полупервобытную психологию. Отвлечемся немного. В Историческом музее в Москве жутко-завораживающее (читай – слегка садомазохистское) впечатление производит картина Генриха Семирадского, изображающая сцену из нашей ранней истории, из IX в. н. э.: похороны знатного воина-руса. На высокой поленнице дров установлена боевая ладья, в ней возлежит обряженный в богатые одеяния покойник. Зловещая старуха, вся в черном («ангел смерти»), изготовила кривой острый нож – вскоре она вонзит его в очаровательную юную девушку, которая пока отрешенно-печально прощается с подругами. Но автор не очень точно следовал письменному первоисточнику, которым руководствовался, создавая свой мрачный шедевр. Это записки очевидца – арабского путешественника. Они повествуют, что девица сама отважилась на этот шаг, перед обрядом трое суток беспробудно пьянствовала, хохотала и отдавалась всем подряд. Иностранцам же назидательно растолковала, что они ничего не понимают, и указывала пальцем куда-то неподалеку: там, мол, явственно видны луга потусторонней страны, где хорошо и весело. И еще очень удивлялась, что им это зрелище недоступно. Перед финалом ей дали еще что-то выпить, и она встретила смерть в самом безмятежном настроении. То ли в наркоте дело (каком-нибудь отваре из мухоморов), то ли действительно тем людям открывалось нечто такое, что было сокрыто даже от их современника – просвещенного араба. Что уж о нас говорить. Нам остается только выразить надежду, что у китайцев в большинстве случаев процедура протекала примерно в том же духе, и вернуться к ним.

В аньянских могильниках обнаружена самая разнообразная утварь, наибольшее впечатление производят бронзовые ритуальные сосуды на трех ножках. Они настолько гармоничны по форме, покрыты таким изящным узором, настолько качественно исполнены, что известный китаист Х. Крил счел возможным высказать мнение, что ничего лучшего из металла люди не смогли сделать за всю свою историю (конечно, такая оценка может быть отчасти порождена излишним энтузиазмом исследователя). Технология их производства была не сложна, но и принципиально нового в художественном литье с тех пор ничего не изобрели. Древние умельцы лепили в мельчайших подробностях макет из воска, а потом постепенно обмазывали его слоями жидкой глины. Когда глина подсыхала, форма ставилась в печь, после чего расплавленный воск выливали – и форму можно было заполнять расплавленной бронзой. На последней стадии освобожденное от глиняной скорлупы изделие полировали – и оно представало миру во всей своей первозданной красе и блеске.

Там же обнаружены вырезанные из мрамора и нефрита прекрасные кольца и прочие украшения, фигурки людей и животных. Главное же, пожалуй, свидетельство высокого уровня шанской цивилизации – остатки шелковых тканей. Это было достижение из ряда вон. Неспорно впоследствии даже далекие римляне называли китайцев *seres* – «людьми шелка». Сами китайцы создали немало легенд, повествующих об изобретении шелкоткачества, назначали ему божественных покровителей (об этом – вскоре).

Выделка шелковой пряжи

Действительно, до этого надо было додуматься. Технология многоэтапна, сложна, трудоемка. Бессловесный «культурный герой» китайского народа – шелкопрядный червь требует к себе много внимания. Производственный цикл начинался зимой. Яйца шелкопряда старались поместить туда, где потеплее, даже в складки собственной повседневной одежды. По весне из яиц вылупляются червяки, существа необыкновенно прожорливые, и немалый труд – обеспечить их свежими и чистыми листьями тутовника. Дерево ради такого дела специально стали выращивать вокруг всех крестьянских домов, и оно с тех пор стало непременной принадлежностью китайского пейзажа. Когда через 1,5–2 месяца червяки достигают длины порядка 8 см, рядом с ними кладут специально подобранные веточки, на которые они взбираются и начинают выделять мгновенно затвердевающую нить, в которую заматываются, образуя кокон. Каждая особь вырабатывает 200–300 м нити. После чего ее за все старания убивают, ошпарив кипятком, – иначе куколка превратится в бабочку и, продираясь на свет божий, порвет кокон (но такая участь ожидает не всех – часть оставляют для расплода). После этого начинается процесс изготовления нити, а затем собственно шелковой ткани.

Секрет получения этой замечательной материи – легкой, прочной, приятной на ощупь, долгое время сохранялся китайскими властями под страхом жестокой казни. Только в VI в. византийским монахам-миссионерам удалось вынести драгоценные личинки из Поднебесной в своих посохах.

Шанцы усердно поклонялись душам своих предков и душам предков своих повелителей. Об усопших надо было заботиться, их надо было задобрить (иногда даже кровавой жертвой) – они ведь рядом, они могут отблагодарить, а могут и наказать за непочтительность. В этом просматривается и до сих пор свойственная многим китайцам их прагматичность в отношении к религии: «Я тебе, ты мне» (во многих китайских храмах висят таблички, гласящие от имени божества: «Твое подношение не может остаться без благодарности»).

Считалось и считается, что умершим требуется примерно все то же, что и живым. Но здравый смысл подсказывал, что их душам – поскольку они духи, существа бесплотные, – мясо как таковое, к примеру, ни к чему. Им хватает и духа этого самого мяса («дух», «запах» – явно просматривается нечто общее: «Чтобы духа твоего не было»), который препровождается к ним

через соответствующий ритуал. А бездуховный остаток с чистой совестью могут употребить в пищу жертвователи. Однако вещи несъедобные – будь то оружие, ювелирные украшения, даже боевые колесницы – сжигались, или археологи выкапывают их сегодня из гробниц. Это потом китайцы догадались (возможно, в связи с изобретением бумаги), что вместо чего угодно можно сжечь макет – и этого вполне достаточно. Давно существуют специальные «жертвенные деньги», а в наши дни можно наблюдать, как преуспевающий молодой бизнесмен от широты душевной благоговейно одаривает дух своего деда бумажным «мерседесом» последней марки.

Обряд мог исполняться как главой семейства, так и жрецом или шаманом. Шаманы, эти выходцы из первобытных времен, до сих пор пользуются почетом во многих местностях Китая неспроста: их четырехглазые маски свидетельствуют о свойственной им бипсихии: способности, впадая в транс, пребывать одновременно и здесь, у костра, среди разинувших рты соплеменников, и на просторах запредельного мира, мира духов (в том, что это действительно происходит, убеждены не только представители «отсталых народов» и парапсихологи).

Самый торжественный и ответственный обряд, от скрупулезного и прочувствованного исполнения которого зависело благополучие всего царства (а впоследствии и всей вселенной) – поклонение предкам правителя, которые именовались ди, или более высокопарно – шан-ди («высший предок», «высшее божество»). Его совершал сам ван, являясь не только государем, но и первосвященником. Специально для таких случаев был выстроен огромный по тем временам храм, с длиной стен около 30 м – на его строительстве использовались прирученные слоны, которые водились тогда в Китае.

Кайлу-шэнь – божество, очищающее могилы от нечисти перед захоронением

При раскопках был обнаружен целый архив из использованных при гадании костей. Дело в том, что предки могли еще и дать живым хороший совет, приоткрыть завесу будущего. Для этого надо было взять кость жертвенного животного – желательна лопаточную, тщательно ее отполировать и с помощью специальных значков (самых первых иероглифов) сформулировать свой вопрос. Потом кость накаливали на огне – так, что на ней образовывались трещины (для полноты эффекта можно было еще и с силой бросить в нее металлический стержень), складывавшиеся в причудливые узоры. Сам вопрошающий, а лучше – опытный специалист выискивал в них похожие на иероглифы фрагменты (или применял какой-то иной метод интерпретации) – это и был полученный «оттуда» ответ.

Люди простые задавали вопросы обычно немудреные – например, не пора ли начинать какую-то крестьянскую работу или по поводу устройства судьбы заневестившейся дочери. Но важные господа могли озадачиться и посущественнее: как повести себя в придворной интриге,

стоит ли тратиться на новую наложницу. А повелитель – поинтересоваться исходом задуманного военного похода.

Такие акты общения с потусторонними силами, конечно же, стоило заархивировать – в будущем они могли рассматриваться как прецеденты, как «информация к размышлению» – в том числе мировоззренческого свойства.

А теперь, раз уж мы затронули такую волнительную тему, как общение с духами – не следует ли прежде, чем вернуться к делам преимущественно земным, попристальнее заглянуть в мир небесный и запредельный, подсмотреть, каким он виделся древним китайцам?

Мифы Древнего Китая

Нельзя утверждать, что то, о чем сейчас пойдет речь, когда-то представляло собой цельную картину. Не вдаваясь в специфику мифологического мышления, в «логику мифа», примем во внимание хотя бы то, что отдельные племена и народности, родственные и не очень, в разное время вливаясь в китайский этнос, приносили в общий пантеон и своих божеств, свои легенды и предания. Что-то сливалось воедино, порождало новые запредельные прозрения. А что-то начинало существовать параллельно, или как повести о схожих деяниях, приписываемых разноименным героям, или, напротив, как сильно разнящиеся варианты рассказов об одном и том же. Сохранялись и богатые местные мифологические традиции.

И еще: одна из отличительных черт китайской мифологии – ее необыкновенная жизнеспособность, можно сказать плодовитость. Она постоянно, буквально вплоть до вчерашнего дня (а может даже сегодняшнего) пополнялась новыми персонажами – божественными или демоническими. Мы в этом сможем убедиться.

Но все же основа, на которую потом непрерывно нанизывались драгоценные нити, сложилась очень-очень давно, еще у ночных первобытных костров, когда очи тарасившихся с неба светил вызывали трепет не меньший, чем близкий рык тигра. А что, разве, к примеру, созвездия не похожи на драконов? А что, разве дракон, если он разгневадается (Хуанхэ – это, по большому счету, тоже дракон) – не страшнее тигра? И так...

До неба далеко, целых 80 тысяч ли (примерно 30 тысяч километров). Это полусфера, накрывающая землю «подобно бамбуковой шляпе». Громада неба вращается, подобно колесу, вместе со всеми своими светилами – хотя те пользуются и некоторой свободой передвижения, описывая замысловатые порою траектории (чего стоят ни в какие рамки не укладываемые кометы). Земля в плане имеет форму квадрата и выпукла, она неподвижно покоится на глади мирового океана. Океан вбирает в себя реки и ниспадающие с небес дожди. Для надежности землю поддерживает гигантская черепаха Ао, на ее панцирь опирается восемь священных гор, на вершинах которых обитают небожители. Главная из гор – Куньлунь. Ее высота – свыше 7 тысяч километров, а от ее подножья берет начало великая река Хуанхэ. Вершина горы служит фундаментом для «нижнего дворца» Небесного Царя Шанди (такое имя царь небесный получил уже в исторические времена, в сложных обстоятельствах, на которых мы подробно остановимся в свое время).

Божество земли Хоу-ту и землепашец

Как произошел мир? Изначально вселенная была подобием содержимого взболтанного куриного яйца, взвесью светлых (ян) и мутных (инь) частиц. Потом неведомо каким образом родился первочеловек Паньгу (можно провести аналогию с ведическим Пурушей). Процесс развития этого великана, затянувшийся на 18 тысяч лет, способствовал тому, что светлые частицы ян собрались наверху и стали небом, мутные инь, как и следовало ожидать, опустились и образовали землю. Когда Паньгу делает вдох – поднимается ветер, выдох его сопровождается громом и молнией.

Но если верить некоторым дошедшим до нас средневековым источникам, окончательно мир принял привычные нам формы уже после смерти первочеловека. Тогда остановившееся дыхание его преобразовалось в ветер и облака, левый глаз стал Солнцем, правый – Луной.

Волосы на голове и усы – созвездиями, волосы на теле – земной растительностью. Сама Земля – это его плоть, реки и дороги – его вены и жилы. Ну, и так далее. Особо отметим, что люди произошли от обитавших на теле насекомых.

По более лестной для него версии, человечество обязано своим появлением женскому божеству Нюйва. «Нюй» обозначает женщину, «ва» – возможно, лягушку. В самые древние времена богиня в виде этого симпатичного земноводного существа и изображалась (вспомним Царевну-Лягушку). Вероятно, тогда она была духом луж, образовавшихся после только что прошедшего дождя: в них, как мы не раз могли наблюдать, сразу начинается кипучая и веселая жизнедеятельность всяких разнокалиберных существ, в том числе лягушачьих головастика. Но прочнее закрепилось представление о Нюйва как о змееподобном существе с женской головой и грудью. В таком облике первыми ее стали почитать племена ся, обитавшие на берегах Хуанхэ – они видели в ней мать-прародительницу, тесно связанную с матерью-Землей (змеи всегда были воплощениями хтонических божеств).

Фу-си и Нюйва

Когда Нюйва надумала сотворить людей, она принялась лепить их из глины, которую черпала со дна морского с помощью ведра на длинной веревке. Но значительная часть глиня-

ных комочков или срывалась по пути, или выпадала из рук скульпторши – и из них сами собой появлялись те, от кого расплодился потом люди низкого звания. От тех же, что прошли полную божественную обработку, произошли люди благородные. Всего же комочков было ровно сто – неспроста западное понятие «человечество» дословно по-китайски обозначается как «сто фамилий».

Нюйва часто изображается в паре со своим мужем, таким же змееподобным Фу Си. Хвосты их переплетены – в знак супружеского согласия, в том числе согласия интимного. Но дела у них пошли на лад не сразу. Ничего удивительного: Фу Си был братом Нюйва, и когда он стал приставать к ней со своими ухаживаниями – она в смятении побежала прочь. Но черепаха-земледержательница Ао помогла влюбленному настичь девушку – за что та, разгневанная, расколола ей панцирь. Панцирь Фу Си склеил, но швы все равно остались – зайдите в зоомагазин и убедитесь.

Однако до свадьбы дело тогда все равно не дошло. Нюйва, хоть, по правде сказать, и испытывала встречное влечение к брату, однако стыдилась такого непотребства. Тогда Фу Си предложил ей воспросить богов. Они поднялись на вершину горы Куньлунь, разожгли там костер, и юноша прочитал заклинания. Дым пошел столбом, что было знаком одобрения свыше – со всеми вытекающими последствиями.

Однажды Нюйва выступила восстановительницей вселенской гармонии после страшной катастрофы. Это случилось, когда бог вод Гунгун проиграл единоборство собственному отцу, богу огня Чжужуну. С великой досады повелитель вод стал биться головой о гору Бучжоушань, которая в те времена тоже была одной из опор небосвода. Гора треснула и обрушилась, в результате небо накренилось (с тех пор мировая ось проходит не через зенит, а близ Полярной звезды), в нем образовалась дыра – и через нее на землю хлынули ужасающие потоки. Начался потоп.

Тогда благодетельница Нюйва расплавила огромную грудку драгоценных камней и образовавшейся массой заделала прореху. После чего стала бороться с наводнением, сооружая повсюду запруды, и заодно прикончила отвратительного черного дракона Хуайнань-цзы, воплощение всякого бесчинства – он резвился в несущих разрушение водах, сводя на нет труды богини. Но под конец этой истории Нюйва выказала себя женщиной злопамятной, правда, под благим предлогом: она отрубила лапы несчастной черепахе Ао, которой и так уже от нее когда-то досталось, и приспособила их как дополнительные подпорки небосводу. Может быть, плавающей в океане тортилле сухопутные конечности не очень нужны, но все равно это жестоко.

Китайский пантеон неисчерпаем, в нем, как мы уже говорили, собрались представители разных народов и разных эпох. В самые давние времена люди и сами имели довольно свободный доступ к небожителям, во всяком случае, люди незаурядные. Сохранилось даже описание путешествия в страну «Матери-Правительницы Запада» – Сиванму. В ее царстве «текут ключи и бьют ключи, погода мягкая и безветренная, птицы и звери живут в довольстве. Обитающие там бессмертные питаются чистой росой и живительным ветром». При всем при том Сиванму, всюду почитаемая как женщина милостивая и образованная, часто изображается с тигриными клыками и хвостом леопарда – явными реликтами первобытных тотемов, времен, когда животные почитались как прародители племен.

Царь Кай (в чжоуские времена включенный в загадочную династию Ся, о которой разговор еще будет) целых три раза побывал на небесах, откуда приносил то знание ритуальных плясок и песнопений, то еще что-нибудь полезное. А вот Чан-э, жена легендарного стрелка Хоу-и, на небеса-то умчалась, а обратно не вернулась. Ее муж получил от Сиванму порошок бессмертия, а она выпила его весь одна – и оказалась на Луне. А там, как хорошо видно невооруженным китайским глазом, Лунный Заяц неустанно толчет в ступе этот самый злосчастный порошок. Некоторые знатоки утверждают, что если приглядеться еще пристальнее, то можно

разглядеть и Чан-э: превращенная в жабу, она выполняет ту же работу, что и Заяц (не исключено, что отсюда и пошло выражение «жаба душит»).

Сяньюй – божественная «Нефритовая дева»

В те времена здравствовала пара драконов, запряженных в колесницу, в которой достойные такой чести и доставлялись на небо. Но потом драконы издохли, и доступ в горние выси стал более чем проблематичен. Поэтому все чаще стали складываться предания о героях-боготорцах. Так, некий безрассудный Куафу вызвался бежать наперегонки с самим Солнцем, но умер от жажды. Син Тянь отважился на еще большее безумие: вздумал ратоборствовать с владыкой неба Шанди, и тот снес ему голову. Однако сила воли у обезглавленного героя была такова, что он преобразил свои соски в глаза, пупок – в рот, схватил боевой топор и пустился в воинственный пляс. Так до сих пор и пляшет, а китайцы его почитают. Император У-и, видно, тоже ополоумев, приказал подвесить на высоком дереве бурдюк с кровью и стал метать в него стрелы, похваляясь после удачного выстрела, что «пустил кровь небу».

А вот герой И стрел зря не тратил: когда на небе вдруг зажглось сразу десять солнц (это налетели неведомо откуда «солнечные птицы»), и мир стал изнывать от зноя – И метко сбил девять лишних светил, став очередным восстановителем гармонии. Под стать ему был прославленный «культурный герой» Юй, привнесший в бытие людей много полезного (например, научил их выращивать рис), мужественный борец с наводнениями. В Китае он прослыл образцом беззаветного служения человечеству (Юй тоже был впоследствии сопричислен к династии Ся).

Как и повсюду, почитались духи явлений природы, светил, гор, рек, рощ (согласитесь, что за роща без духа?). Зачастую духи представлялись в виде существ фантастических, например, общеизвестных драконов, заполонивших всю земную поверхность и пучины вод. Драконий облик любил принимать Хэбо – дух реки Хуанхэ, вообще-то всего лишь существо с белым человеческим лицом и рыбьим туловищем. Но преобразившись, он начинал радостно бесноваться в Желтой реке – и тогда она причиняла людям особенно много бед. Поэтому ему ежегодно приносили «в жены» красивейших девушек – дух отличался эротическими наклонностями.

Одна из особенностей китайских верований в том, что в могущественных духов после смерти могли превратиться практически любые конкретные люди (несомненно, это следствие глубокого почитания жителями Поднебесной душ своих предков). Потенциально особенно опасны были души людей неприкаянных, ведущих асоциальный образ жизни, а также тех, кто после смерти не был погребен с должными почестями и кому не приносились жертвы – такие вполне могли превратиться в зловредных демонов. Если более конкретно – в «группу риска» входили (и все еще входят) убийцы, просто парни с хулиганскими наклонностями, убитые в драке, зарезанные проститутки, съеденные тигром неудачники (их местом погребения стала звериная утроба, а во что они превратились потом – и говорить не хочется), утонувшие, повесившиеся, убитые молнией. А также мальчики, не достигшие совершеннолетия, и незамужние девицы – таблички с их именами не помещались на семейный алтарь, а соответственно их бесприютные души оставались без попечения родственников.

Фрагмент картины «Повелитель демонов Чжунг Куй выдает замуж сестру»

Они слоняются по земле, и с ними лучше не встречаться. Если же такие души превращаются в демонов, то они становятся обладателями сверхъестественных способностей и могут причинять очень большие неприятности целым уездам: вызывать мор, недород, наводнения, пожары. Когда такое начинало происходить – необходимо было приложить все старания, чтобы определить, чья именно душа обрела демоническую силу, и постараться утешить ее заупокойными обрядами и жертвоприношениями.

Но некоторым выпадал более достойный посмертный удел. Признавались благодетелями человечества и широко почитались души ученых, героев, честных сановников, просто людей добродетельных – всех, о ком разнеслась молва, что они могут оказать помощь из своего зазеркалья. Можно выделить Пурпурную Деву – обожествленную покровительницу отхожих мест. В любой местности могли назвать имена ее прижизненных прототипов. Это были девушки, удавившиеся в уборной от несчастной любви, убитые там злой мачехой или еще каким-то образом встретившие смерть в укромном уголке.

Шан: на вершине могущества

Порядок престолонаследия в царстве установился нескоро. В течение долгого времени власть от отца к сыну переходила нечасто – гораздо чаще ваном становился брат или племянник усопшего повелителя. При этом много значил традиционный клановый счет старшинства, а также мнение военного сословия – не совсем еще изжитый реликт первобытной «военной демократии». Только при У-дине, правившим в XIII в. до н. э., был принят закон, по которому наследником престола становился сын вана (не обязательно старший и даже не обязательно от официальной супруги). В ответ плотнее внутренне сплотились клановые структуры, ведущие свое происхождение от побочных ветвей царского рода – из истории известно, что такая ситуация особенно способствует возникновению усобиц.

Аристократическое военное сословие царства Шан должно было постоянно поддерживать себя в боевой форме. Излюбленным времяпрепровождением были состязания в стрельбе из лука (с неизменным последующим веселым застольем). Луки были изящными по форме и при этом очень мощными – обладающими большой дальностью и обеспечивающими высокую точность попадания оперенных бамбуковых стрел. Считается, что по качеству они превосходили даже смертоносное оружие средневековых английских лучников – которым те разили французскую кованую рыцарскую рать во время Столетней войны (1337–1453 гг. н. э.). Хорошей тренировкой была и охота, тем более что дичь занимала немалое место в шанском рационе.

Мень-шень – духи дверей, обожествленные военачальники

Кроме луков, из метательного оружия на вооружении была праща, а в рукопашной схватке в ход шли копья, боевые топоры, кинжалы. Всем этим необходимо было владеть в совершенстве.

Конечно же, кто-то должен был обеспечивать этому воинству подобающие условия существования. В первую очередь эта нагрузка лежала на плечах крестьянства. Чтобы лучше почувствовать характер социальных отношений, сложившихся в шанском обществе, интересно поближе познакомиться с территориальным устройством государства.

Оно делилось на три зоны, которые можно представить в виде концентрических окружностей (очень схематично, разумеется). Центральная зона – столичная, радиус которой состав-

лял несколько десятков километров. В столице и других городах зоны жили сам государь со своим семейством и гаремом, его приближенные, военная знать, чиновники, ремесленники, слуги. К тем, чьей официально признанной сферой деятельности и ответственности считались война и охота, помимо собственно военного сословия, относились также оружейники, колесничие, конюшие, псары и т. д. О них находим упоминания в обнаруженных документах. Торговцы в них не значатся – их было еще очень мало. Торговля происходила преимущественно в форме натурального обмена, а если выходила за его пределы – в качестве средства платежа использовались раковины каури (морских моллюсков, называемых еще фарфоровыми улитками) – в Африке, на островах Тихого океана они употреблялись в качестве «раковинных денег» вплоть до начала XX в.).

Вокруг столицы находились обширные «большие поля». Они входили в дворцовое, а отчасти и в храмовое хозяйство – урожай с них шел на содержание столичной верхушки и ее обслуги, на совершение официальных жертвоприношений. Когда начинался очередной этап годового цикла сельскохозяйственных работ, ван сам делал первый ритуальный взмах мотыгой, проводил плугом первую борозду или жал первый сноп. От него не отставали приближенные. Урожай с этих полей поступал в казенные закрома. Обрабатывались поля в основном крестьянами из соседних селений, поочередно оставлявшими на время свои хозяйства. В районе Аньяна обнаружен склад, на котором хранилось 3,5 тысячи каменных серпов, выдававшихся на время стекавшимся со всех сторон хлеборобам. Чем не торжество коллективного труда и командно-административной системы!

Здесь же можно было видеть рабов. Но их было не очень много (счет шел самое большее на тысячи), и трудились они не очень долго. Жестокие реалии общества, не так уж далеко ушедшего от первобытности: рабов, в большинстве своем военнопленных, использовали на работах только до того торжественного момента, когда их приносили в жертву. Это происходило во время совершения ваном обряда поклонения своим предкам – шан-ди, или других важнейших религиозных ритуалов. «В общественных интересах» было очень важно задобрить потусторонние силы такими подношениями. Некоторые военные походы предпринимались исключительно для того, чтобы после них с алтарей могло пролиться побольше крови.

Рядом с «большими полями» находились поля крестьян, сплоченных в сельские общины. Сплоченных достаточно крепко, так что китайский крестьянин ни в те далекие времена, ни после никогда не оказывался в положении не то что античного раба, но и тургеневского крепостного. Это момент, на котором мы не раз еще будем заострять внимание. Пока же отметим, что именно в эти века укреплялось специфически китайское по своим формам и содержанию чувство взаимной ответственности: как низов перед верхами, так и верхов перед низами, а всем вместе – за свое государство. Чувство, в основе которого осознание невозможности выжить без совместного противостояния ударам судьбы – природным и военным.

Бронзовый ритуальный сосуд (эпоха Шан)

Возделанные поля и сады первой зоны окружало широкое кольцо охотничьих угодий – тот самый заветный простор для молодецких утех, столь необходимых и столь желанных шанским аристократам. Там, помимо волков и тигров, водилось много лис – зверей легендарно хитрых и увертливых. Неспроста считалось, что злокозненные демоны женского пола предпочитают преображаться именно в них. Но существовало множество историй и об обратных метаморфозах: лисы-оборотни превращались в прекрасных девушек, охмуряли молодых мужчин – и представьте себе, супруги жили потом в ладу и согласии и производили вполне человеческое потомство. Все же обычно у рыжих хищниц складывались совсем иные отношения с деревенским людом из-за их повышенного интереса к курятникам. Так что крестьяне и сами вели с плутовками борьбу, и помощь аристократов была весьма кстати.

Дальше следовала территория второй зоны, отдельные части которой были переданы под управление уполномоченных на то родственников, приближенных и заслуженных воинов шанского вана. Всего насчитывалось около 200 таких владений, больших и малых. Крупнейшие включали в себя несколько десятков крестьянских селений. В этих поместьях зарождались свои клановые аристократические структуры – основа будущей региональной самостоятельности.

В крестьянском общинном землепользовании этой зоны применялся принцип «колодезных полей», который получит впоследствии широкое распространение по всей Поднебесной. Заключался он в следующем. Большой клин земли, – чаще действительно представлявший собой единое пространство, но иногда это единство было условным, – разбивался на девять участков, «колодцев». Восемь из них становилось семейными наделами полноправных общинников, источником их существования (очевидно, каждый старался обзавестись собственным водоснабжением – отсюда и термин). Девятое же поле они обрабатывали сообща, и урожай с него шел местному господину – штатному государеву воителю. Сколько таких блоков обеспечивало его существование, зависело от его знатности и заслуг. А также и от способности оказаться сильнее соседей – господа уже начинали выяснять отношения, так что границы владений были изменчивы.

Но сильнее усобиц было стремление прихватить побольше пустующих земель соседней, третьей зоны. Таких пространств там было пока немало, но они были небезопасны. Если первые две зоны, общим радиусом примерно в 150 км, были населены природными шанцами, то третья зона, с ее очень расплывчатыми границами – это «внешний пояс», населенный племенами, которые шанцы считали если не полностью варварскими, то наполовину – это уж точно. В любом случае – не своими. Войны с ними были почти постоянными – ведение их и было главной задачей вассалов вана, получивших поместья во второй зоне. В случае успеха они должны были поделиться с повелителем трофеями и передать ему пленных – мы уже знаем, зачем.

Но беспокойные соседи, со своей стороны, не только рвались в бой. Сквозь раскосый прищур они внимательно взирали на то, как живет шанское государство – и многое из увиденного им нравилось. Даже во время боя: не только приходилось признать силу царской армии, почувствовав ее на себе, но нельзя было и не восхититься тем, как изготавливался к атаке длинный ряд колесниц, с их стремительными стройными конями, попавшими сюда неведомо из каких краев, с воинами в блестящих доспехах, в высоких шлемах с ниспадающими на плечи длинными плюмажами. В мирное же время варварский глаз изумляли достижения шанской цивилизации: высокие стены городов и дворцы за ними, изящные безделушки (явно наделенные магической силой) и шелка. Радовали те щедрые дары, которыми наделял ван беспокойных вождей за периодические изъявления ими покорности – пусть эта процедура была скорее внешней. Тогда же можно было налюбоваться на достойную восхищения шанскую столицу и царские чертоги. Можно было и хлебнуть винца – оно уже появилось в Шан, но только не виноградное, а изготовленное из риса, проса или ячменя. Правда, в широкое употребление оно еще не вошло, им угощали предков во время ритуальных действий – после чего угощались и сами.

Общей стратегической линией внешней шанской политики было по возможности мирное сосуществование и по возможности бескровное приобретение новых территорий (тем более что это не было самоцелью). Шанцы и окрестные племена иногда были и союзниками: владельцы из второй зоны вовлекались в шанские усобицы, или совершались совместные походы вовне – ради такого дела варваров никогда не приходилось долго уговаривать.

У племенной знати появлялись дополнительные возможности приглядеться к тому, как организовано шанское общество – и она извлекала много полезного для себя. Быстрыми шагами шел процесс трибализации – превращения племен и племенных объединений в протогосударственные, а затем и в более солидные структуры. Их население все чаще предпочитало переходить на более цивилизованное ведение хозяйства. Особенно преуспевали в этом племена чжоусцев, населявших правобережье среднего течения Хуанхэ – очень скоро мы увидим, как они станут китайцами номер один, образцом для подражания на протяжении многих веков.

Пока же эти соседи, преклоняясь перед шанской военной силой и шанской культурой, утверждались в представлении о могуществе обожествленных предков ванов, которые, несомненно, деятельно помогали своим ныне здравствующим потомкам. С одной стороны, племена тоже начинали почитать этих чужих предков – шан-ди, с другой – перенимали ритуалы

общения с собственными ушедшими в мир иной отцами и дедами. Подобные верования всегда бытовали и у них, сочетаясь с перенятым у монголов поклонением Небу и светилам.

Знаменательное явление: для того, чтобы укрепить узы вассальной зависимости, ваны все чаще выдавали девушек царского рода, иногда даже своих дочерей за наиболее могущественных вождей. Ну-ну...

...А за пределами третьей зоны, особенно на западе, пока обитали преимущественно призраки и бесы.

Падение царства Шан

О происхождении и ранних веках племен чжоусцев мы знаем немного. В поздних переказах дошло предание, отнесенное авторами к временам упоминавшегося уже легендарного царства Ся. Оно гласит, что некая Цзян наступила на след великана, и вследствие этой невольной оплошности у нее родился мальчик.

Когда он вырос, то проявил невиданные способности и изобретательность в земледелии, за что правитель Шунь (которого самого мать зачала, увидев на небе радугу) наградил его титулом Хоу-цзи – «князь проса».

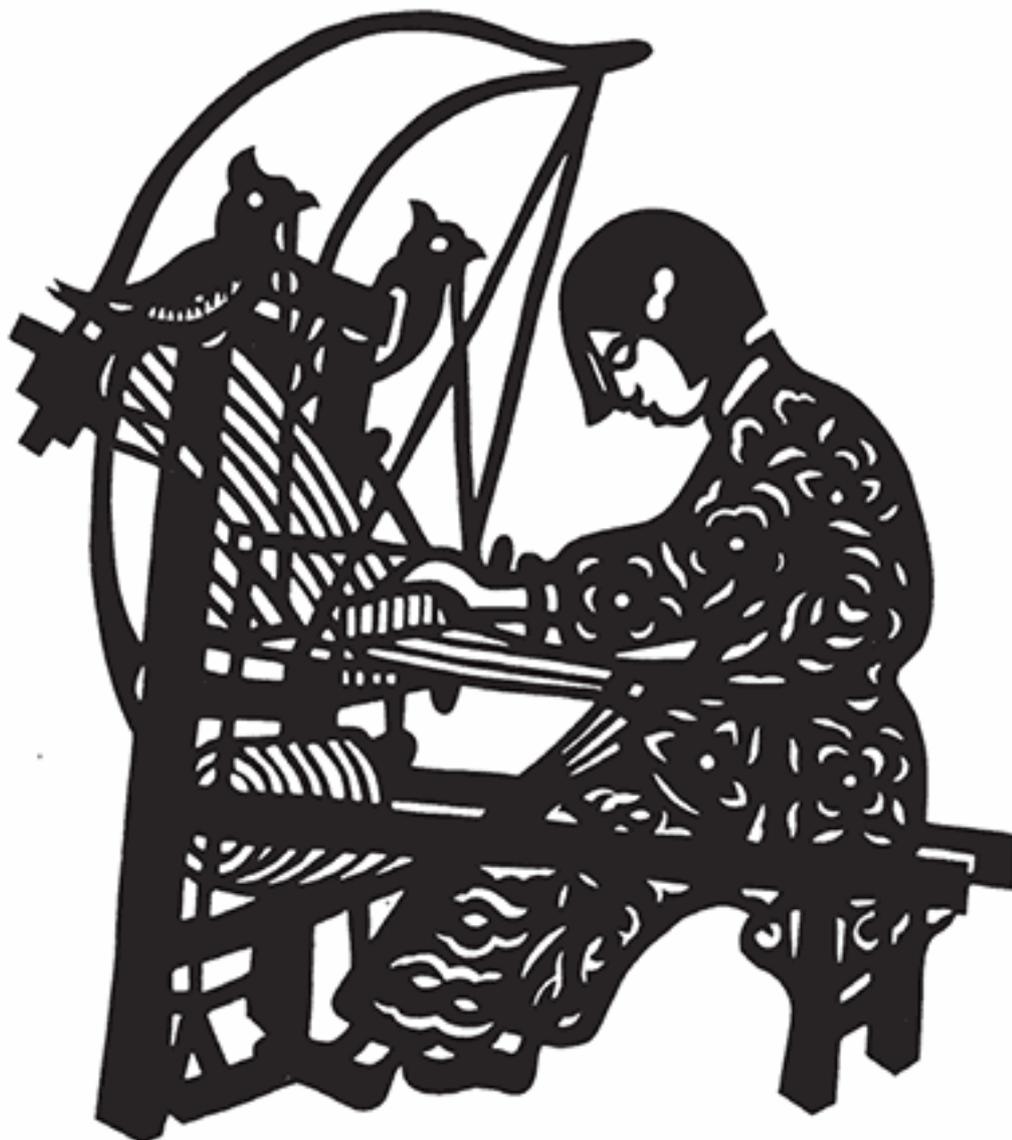
Его потомки, блуждая по землям будущего Китая, в конце концов прочно осели на берегах притока Хуанхэ реки Вэй (район современного города Сиань в провинции Шэньси), подчинив себе вскорости окрестные племена. С этих пор начинается временное пространство, исторически более-менее достоверное.

Вождь чжоусцев Дань Фу женил своего младшего сына (объявленного, однако же, наследником) Цзи Ли на дочери шанского аристократа. Вступив со временем на отцовский престол, Цзи Ли жил в дружбе с Шан и получил от вана почетный титул Си-бо – «правитель Запада». А его сын Чан до сих пор известнее каждому китайцу как великий правитель Вэнь-ван. Иероглиф «вэнь», который включили в его имя посмертно, означает «просвещенный».

При нем и под его мудрым руководством чжоусцы стали перенимать культуру Шан, не выдергивая из нее только то, на что глаза загорятся (как поступают подлинные варвары), а стараясь усвоить во всей ее полноте. В бой чжоуские воины мчались теперь на колесницах, было налажено производство бронзы и бронзовых изделий, широко применялась письменность. Чжоуская знать перенимала у шанских собратьев по классу их образ жизни. А старинная покровительница шелкового ремесла «ткачиха» Чжи-Нюй даже получила от чжоусцев прописку на небе, став прекрасной «звездой Ткачихи», известной нам как Вега.

Это красивая легенда. У «Небесного правителя» Тяня была дочка Чжи-Нюй, которая денно и ночью, не покладая рук, ткала из облаков небесную парчу. Бедняжка не знала в своих роскошных чертогах, тоже небесных, никакой личной жизни. Наконец отец пожалел ее и выдал замуж за «волопаса» Ню-лана (ему соответствует «звезда Пастуха» в созвездии Орла).

Но потом сам был не рад своей отцовской слабости. Дочка, любезничая со своим долгожданным муженьком, совсем забросила все дела. Небесный владыка сменил милость на гнев и постановил так: супружеская чета будет вместе только один раз в году – в 7-й день 7-й луны. А чтобы у молодых не возникло искушение нарушить его приказ, поселил «волопаса» на другом берегу «Небесной реки» – Млечного Пути. С тех пор и по сей час 7-й день 7-й луны – день встречи китайских влюбленных.

Ткачиха (вырезка из бумаги)

Но не будем слишком отвлекаться на лирику, а лучше вспомним, что чжоусцам было присуще глубокое почитание Неба и светил – потому они, наверное, и заселяли так вольно звезды. Теперь, все глубже приобщаясь к духовному миру, к религии Шан, они стали дополнять свой культ Неба – Тянь элементами культа предков шанских ванов – шан-ди. Тем более, что они, по понятиям и шанцев, и всех окрестных народов, обитали именно на небе – а значит, их в какой-то степени отождествляли с Небом. Так складывалось почитание верховного божества Тянь-ди, «Небесного императора», или Неба в широком, мироустроительном смысле (а не как божества, отождествляемого с видимым телесными очами астрономическим феноменом).

Вэнь-ван не был бы политическим деятелем своего времени (да и любого другого), если бы просто с восторгом энтузиаста одаривал своих подданных сокровищами шанской культуры. Нет, он, как то ему и подобало, задумчиво поглядывал в сторону столицы царства Шан и сколачивал против него коалицию. Со свойственной ему энергией и обстоятельностью готовил поход невиданного доселе масштаба – но не успел, умер. Дело продолжил его старший сын Фа, которому и суждено было войти в историю под именем У-вана, или «Победителя», «Воинственного правителя».

А в Шан дела шли далеко не лучшим образом. Региональные правители все больше жили своими интересами, и государство не было уже способно на прежнюю концентрацию усилий. А тут еще, возможно, не повезло с повелителем – Чжоу Синем. Элемент некоторого сомнения присутствует потому, что китайской историографии всегда была свойственна некоторая тенденциозность в интерпретации фактов – в первую очередь по идеологическим соображениям. В этом смысле нашей «Повести временных лет», с ее апологией Рюриковичей, до трудов китайских историков далеко. Но, поскольку современным событиям хроник не сохранилось, да их, возможно, еще и не было, воспользуемся тем, что есть.

Внешне и при поверхностном личном общении Чжоу Синь производил впечатление вполне благоприятное – именно такое, какое должен производить ван великого государства. Человек сильный, отважный, с пронизательным умным взглядом, быстро находящий и принимающий решения, приятный и красноречивый собеседник. Но при всем при том – способный на немотивированную жестокость и развратник.

В подтверждение его крайнего самодурства приводят такой случай. Когда родственник повелителя, известный своей прямоотой и мудростью Би-гань, стал наставлять его на путь истинный, Чжоу Синю его речь показалась непростительно дерзкой, и он процедил, зло и насмешливо: «Я слышал, что сердце мудреца имеет семь отверстий». И, дабы убедиться в этом, приказал вырвать у старика сердце – что и было немедленно исполнено. Сколько там было отверстий – история умалчивает, но впоследствии в конфуцианской традиции Би-гань стал образцом стойкости в убеждениях, а народная молва почему-то произвела его в бога богатства, и особенно рьяными его почитателями стали китайские купцы.

Что же касается сластолюбия – Чжоу Синь полностью попал под влияние своей любимой наложницы Та-цзы, дамы с явно нездоровыми эротическими фантазиями. Однажды по ее капризу ван приказал наполнить вином пруд в дворцовом парке, а на ветвях деревьев развесить куски мяса – и среди этого изобилия голые мужчины и женщины стали играть в салочки, и можно только догадываться, что они еще выделявали (по современным новорусским понятиям – может быть, и ничего особенного, но вспомним, например, что китайское искусство совершенно не знает изображения обнаженного тела, а буддийские одеяния с оголенным плечом в свое время показались неприличными).

Когда У-ван двинулся в поход, значительная часть сил шанского правителя была отвлечена мятежом на востоке его государства. Армия чжоусцев и их союзников переправилась через Хуанхэ, и войску Чжоу Синя было нанесено сокрушительное поражение (1122 г. до н. э.).

Сам повелитель не пал в бою, он сумел добраться до своей столицы. Там он облачился в торжественные одеяния, украшенные драгоценными камнями, взошел в свой любимый дворцовый павильон – и спалил его вместе с собой. Но благодаря бывшим при нем пяти знаменитым нефритам, называемым «Небесной мудростью» и обладающим чудодейственной силой, тело царя не сторело дотла.

Нефритовый дракон (Восточное Чжоу)

Увидев гибель своего повелителя, Та-цзы и еще одна его любимая наложница повесились в саду. Когда У-ван вступил во вражескую столицу, он не отказал себе в удовольствии всадить три стрелы в обгорелый труп поверженного владыки. Затем и у царского тела, и у тел обеих женщин отрубили головы и насадили их на древки знамен.

Начало Чжоу

Одержав победу, У-ван повел себя на сторонний взгляд довольно странно. Первым делом он совершил обряд не в честь своих предков, а направился в главный храм захваченной столицы и почтил там предков династии Шан – шан-ди. Однако в этом был глубокий смысл: все окрестные народы были уверены в могуществе духов шанских царей и в действенности их помощи своим потомкам – в том, что нет богов сильнее. Этим актом У-ван сделал первый шаг к тому, чтобы и его династия заручилась их поддержкой – чтобы они, слившись с Небом (и растворившись в его сиянии), покровительствовали тому, кто сейчас правит. Только уверовав в это, все окрестные народы, населяющие бассейн Хуанхэ, безоговорочно признают легитимность его правления и правления его потомков.

Затем он не просто поощрил сына погибшего царя – У Гэна. Он доверил ему правление побежденным царством. Правда, при этом приставил к нему двух своих братьев, – Гуань-шу и Цай-шу, – в качестве бдительных опекунов. И оповестил союзных вождей о том, что теперь он, повелитель царства Чжоу, – верховный владыка «от углов морей и восхода солнца». Покончив с этими первоочередными делами, У-ван щедро наградил из шанской сокровищницы всех участников похода и отправился в свои чжоуские владения.

Там он заложил некоторые основы правления на предстоящие века. Прежние племенные вожди стали теперь его вассалами – удельными князьями чжухоу. И они, и назначаемые им его высшие сановники обретали свои полномочия во время пышных церемоний, ритуал которых был наполнен религиозным содержанием и со временем тщательно выверен. У-ван восседал при этом лицом к югу на возвышении в огромном зале храма Предков. Он объявлял предстоявшему перед ним кандидату свою волю, обращался с кратким напутствием – после чего тот падал на колени, отдавал два земных поклона и удалялся – получая при выходе подобающие его рангу дары повелителя. Князьям вручался также нефритовый скипетр – символ их власти. Впредь они могли общаться с ваном, только держа этот скипетр в руках.

Бронзовый меч (Западное Чжоу)

А потом случилось то, что могло лишь подтвердить сомнения его новых подданных в правомочности смены верховной власти – У-ван скоростижно скончался. Престол он оставил своему малолетнему сыну Чэн-вану, а регентом при нем назначил своего брата Чжоу-гуна, прославившегося впоследствии как мудрейший деятель всей эпохи Чжоу.

Но славу еще надо заслужить, а пока братья регента, они же дядья маленького вана, они же опекуны шанского У Гэна, стали подстрекать своего подопечного к мятежу. При этом главным их личным мотивом было подозрение, что Чжоу-гун сам собирается узурпировать всю власть. Обитатели же царства Шан, тяжело переживавшие поражение и больно ущемленные в своем чувстве превосходства над всеми остальными народами, яснее, чем кто-либо, узрели в

преждевременной кончине У-вана знак того, что шан-ди и Небо не благоволят к новым правителям – и восстали.

周 公 像

Чжоу-гун

Чжоу-гун бился с мятежниками целых три года, но ценой огромных усилий в конце концов добился полной победы. Тут уже мало у кого оставались сомнения в правомерности паде-

ния Шан. Регент не был слишком суров с побежденными: он расселил большинство их по всем владениям Чжоу. Значительная, наиболее деятельная их часть была отправлена строить новую столицу Лои (нынешний Лоян в провинции Хэнань). Те шанцы, что остались на прежнем месте, оказались теперь жителями удела Вэй, учрежденного Чжоу-гуном и переданного им своему брату Кан-шу.

Чжоу-гун сохранил почитание шанских шан-ди за одной из ветвей свергнутой династии – но при этом провел религиозно-идеологические мероприятия такой значимости, что этот культ стал по сути внутриродовым. Мудрый правитель выдвинул идею Мандата Неба, которая стала одной из судьбоносных для всей последующей истории Китая. Небо, как божество, окончательно вобрало в себя прежних верховных небожителей шан-ди. В широком употреблении понятие не звучало больше во множественном числе, оно стало личным именем все того же всеобъемлющего Неба – Шанди. Неба, как источника и носителя общего для всех и вся мирового закона. Это оно приводит к власти наиболее достойного, наделяя при этом его и его потомков Мандатом на правление. Но это не раз и навсегда. Если ван или его наследники не будут следовать воле Неба – они будут свергнуты, а их место займет более достойный.

Керамическая ваза со стеклянными вставками (Восточное Чжоу)

Чтобы конкретизировать понятие «воли Неба», сделать ее более явственной для людей, Чжоу-гун выдвинул концепцию дэ. Понятие это сложное, но не заумное, китайцам, с их сложившимся к тому времени мировоззрением, оно было вполне доступным. Дэ – это добродетель, благодать, которая заложена в каждого человека свыше – как кантовский нравственный императив, как совесть. Это божественный умысел относительно данного человека, то, каким он должен быть по самому высшему счету. Следуя своему дэ, человек следует воле Неба, накапливая при этом божественную энергию, харизму. Возможно, на зарождение и развитие этого понятия повлияли заимствованные у индусов ведические представления о карме. Дэ можно

накапливать, следуя небесной воле, а можно и растерять, совсем утратить. Как это и произошло с Чжоу Синем, растранившим своими неистовствами всё накопленное шанской династией дэ и утратившим поэтому Мандат Неба – для себя и для своих потомков. Мандат был передан прилежно копившему дэ Вэнь-вану, потом перешел к победоносному У-вану, а теперь он у его сына Чэн-вана. О себе Чжоу-гун скромно умалчивает.

Ритуальный сосуд (Западное Чжоу)

Чжоу-гун учил, что разумный правитель должен постоянно держать руку на пульсе своего государства – чтобы по объективным признакам определять, все ли в порядке с его дэ. Главной такой характеристикой является «глас народа» (римский *vox populi*) – довольны ли простые люди жизнью, что думают о своем государе и... какие они поют песни. В царстве Чжоу местные правители, а в последующие времена провинциальные чиновники, помимо прочих своих забот, имели поручение собирать народные песни и анализировать их настрой: о чем больше поют, о веселом или о грустном.

Еще один важнейший момент. Небо одно для всех, и если оно наделяет кого-то своим Мандатом – оно наделяет его им как правителя вселенского, поднебесного государства. Со вре-

мен Чжоу-гуна Китай становится Поднебесной, мировой державой, а его повелитель – Сыном Неба (Тянь цзы). Это определит менталитет китайцев на все грядущие тысячелетия, но не как идея о «мировом господстве». Поднебесная – это в первую очередь духовный центр мира, имеющий поистине космическое значение. Следуя своему дэ, живя по высшей правде, Сын Неба и его подданные утверждают этим мировую гармонию. Наводнения, землетрясения, вражеские нашествия – это небесная кара за то, что Поднебесная сбилась с пути. Позднее будет сделан важный логический вывод из сказанного (напрашивавшийся, правда, и из всей предыдущей истории): культура Китая – единственная подлинная культура, а те народы, что не хотят взять ее за образец – варвары. Вот почему венецианец Марко Поло и его спутники, уроженцы Европы, слышали презрительные выкрики «варвары!» из уличной пекинской толпы. И это в то время, когда Китай находился под тяжким монгольским игом.

Но все же один прецедент в подтверждение теории – это еще не подтверждение теории. Это вам любой научный сотрудник скажет, даже самый низкооплачиваемый. Мудрый Чжоугун тем более понимал, что судьба пьяницы и развратника Чжоу Синя, хоть и переплетенная самым трагическим образом с судьбой шанского государства, – не та посылка, из которой выводятся небесные законы.

Поэтому были проведены напряженные историко-мифологические изыскания (возможно, впервые в мировой практике), плодом которых оказалась целая династия Ся – предшественница Шан. Причем династия многовековая, с лучезарным зачином, с великими деяниями мудрых и доблестных правителей, и – что и требовалось для доказательства – с бесславным концом. То есть еще одна историческая судьба, подобная судьбе царства Шан. И еще один круговорот Мандата Неба, как теперь уже с полной уверенностью можно было утверждать. Куда весомее звучали теперь слова обращения Чжоу-гуна к побежденным шанцам: «Последний правитель Шан предался праздности, забросил дела управления и не совершал должных жертвоприношений. И тогда Небо уничтожило его. Наш же чжоуский царь милостиво относился к людям, следовал добродетели и исполнял долг перед божеством и Небом. Небо наставило нас, оказало нам милость, избрало нас и наделило нас Мандатом, отобранным у Шан, чтобы править в ваших бесчисленных землях».

Что же это за династия Ся? Вопрос спорный – помимо того, что темный. Конечно, говоря все тем же языком современной формальной логики, это в какой-то мере та посылка, которая была необходима для обоснования наперед заданного вывода. Но что это осознанная мистификация – вряд ли. Хотя подгонка фактов и произвольное их толкование вполне возможны, если не несомненны. Но разве не этим же, только уже в явно неблагоприятном варианте, занимались бесчисленные адепты научного коммунизма и творцы многочисленных либеральных концепций?

Какое-то мелкое протогосударственное образование по имени Ся, по-видимому, действительно существовало – об этом свидетельствуют и данные археологии. А что нанизывать на этот реальный стержень – решать было мудрецам из Чжоу. Будем полагать, что в первую очередь их вела вполне достойная жажда открытия, которая имеет свойство отбивать у человека лишние сомнения. Но откровенной отсебятиной, повторимся, они вряд ли занимались, да это было и ни к чему: при изобилии древних преданий желанной мифологически достоверной основы для их трудов хватало.

Было установлено, что у династии Ся имеется не только история, но и предыстория (в нашем понимании – набор легенд, но древние китайцы на мифы смотрели иначе). Начинается она с уже знакомых нам змеехвостых божеств – супругов Нюйва и Фу Си. Им наследовал «Божественный Земледелец» Шеньнун, научивший людей обработке земли и торговле. Преемником Шеньнуна стал «Желтый Владыка» Хуан-ди, весьма почитаемое божество, имевший резиденцию на священной горе Куньлунь. Желтый лик ему приписали, возможно, по цвету лессовых почв в излучине Хуанхэ. Это он насадил среди людей государственность, одарил их топором, луком и стрелами, ступкой, одеждой правильного покроя, обувью. Его супруга заса-

дила женщин за ткацкий станок. Хуан-ди обучил своих подданных военному делу и сделал их «подобными медведям, барсам, леопардам, ягуарам и тиграм». При этом ему приписывается некоторая склонность к империализму: «Если кто-нибудь в Поднебесной не повиновался ему, Хуан-ди выступал в поход и карал его».

Хуан-ди – легендарный «Желтый Владыка»

Потом последовала эпоха «Пяти императоров» – хоть и героев, но скорее людей, чем божеств. Это были достославные правители. Так, Чжуань сюй, судя по всему, осчастливил китайцев и посейчас жизненно необходимой им геомантией фэн-шуй: «Он умножал богатства, исходя из строения земли». Император Яо «был подобен Небу, а мудростью – небесным духам. К нему устремлялись, как к солнцу, на него взирали, как на радужное облако». Яо был настолько лишен тщеславия, что передал власть не собственному сыну, а тому, кого посчитал наиболее достойным, – простому крестьянину Шуню. На то были основания. У историка I в. до н. э. Сыма Цяня читаем: «Отец Шуня был склонен к порокам, мать – сварлива, младший

брат – заносчив, и все они хотели убить Шуня. Но Шунь во всем слушался их, не нарушая сыновнего долга. Когда хотели убить Шуня, не находили его, когда же от него что-то требовалось, он всегда оказывался рядом». Он так воздействовал на людей своим примером, что во всей округе крестьяне стали уступать соседям межи, разделяющие их поля, и лучшие места для рыбной ловли. Прослышав о таком праведном человеке, император Яо решил дополнительно испытать его. Он призвал Шуня во дворец и отдал ему в жены обеих своих дочерей. Очевидно, эти царские чада обладали такими характерами, что, когда Яо убедился, что Шунь мирно уживается и с ними – без колебаний передал ему свой престол. Сам Шунь со временем поступил точно так же: его преемником стал упомянутый уже великий герой Юй, на века прославившийся как беззаветный радетель о людях. Главная его заслуга – усмирение страшных наводнений, для чего он сооружал плотины, рыл каналы, пробивал водоотводные тоннели сквозь скалы. Глядя на его усилия, даже животные не могли остаться в стороне: дракон прочерчивал хвостом оптимальные трассы каналов, огромная черепаха подтаскивала на панцире глину, медведь ворочал камни.

Вот на таком сверхнадежном фундаменте и была учреждена династия Ся: ее первого царя возвел на трон Юй. Шестнадцать ее представителей тоже заслуживали наилучших похвал, хоть и не могли сравниться с мифическими предшественниками. Но вот семнадцатый, по имени Цзе-гуй, был низвержен – и поделом. Он был вздорным деспотом и развратником. На смену же ему пришел первый царь династии Шан – Чэн Тан, которому Небо передало свой Мандат, забрав его у недостойного повелителя. А через многие века, когда полностью утерял династическое дэ Чжоу Синь, полное аморальное подобие последнего из Ся – Мандат перешел к династии Чжоу.

Западное Чжоу

Следующий период, названный «Западное Чжоу», царство управлялось из прежнего центра Цзунчжоу, находившегося на исконных племенных чжоуских землях. Дальновидный политик Чжоу-гун хотел, чтобы в качестве столицы утвердился отстроенный им Ло-и – он располагался ближе к центру огромного по тогдашним меркам государства. Город, по его замыслу, должен был стать «двойником сиятельного Неба». Он и впрямь начал становиться таким при Чжоу-гуне, но пришедшие ему на смену правители предпочли перебраться обратно.

Забываясь о дэ своих подданных, регент ввел «сухой закон» – запретил употребление вина под страхом суровых наказаний, вплоть до смертной казни. Видно, и в те далекие времена проблема периодически назревала, но навряд ли и тогда угроза оттяпать мутные головы действовала на них отрезвляюще.

Главным религиозным культом в царстве было поклонение «Небесному Владыке» Шанди, жертвы которому в величественном храме Неба приносил только сам ван – Сын Неба. Человеческих жертвоприношений уже не было, не та эпоха: к царю небесному отправлялись только души животных, а вместе с возносящимся ввысь дымом ритуального костра к нему попадали изделия из драгоценных камней и металлов, брошенные в пламя. В ритуале участвовало множество сановников и жрецов, он был построен на основании норм царства Шан, до культуры которого Чжоу было еще тянуться и тянуться. Участники были облачены в яркие одежды, звучала музыка. Особенно услаждали слух звуки, извлекаемые ударами металлической палочки о тонкие пластинки яшмы – самого почитаемого китайцами камня, обладающего магической силой.

Бронзовый ритуальный сосуд (Западное Чжоу)

Подобные церемонии в выверенные по календарю дни совершались и у других алтарей. Следующим по значимости после Неба объектом поклонения была, конечно же, Земля. Главный ее алтарь находился в столице (там ван еще и проводил ритуальную полосу на «большом поле»), но подобные же были при дворе каждого владетельного аристократа и в каждой деревне. Совершались поклонения Солнцу, Луне, звездам – от них, как от вечных небожителей, зависел благоприятный ход всех природных процессов, а также богам гор и рек. Как календарные, так и в экстренных ситуациях: при наводнениях, засухах, эпидемиях, лесных пожарах.

Всеобщей была, разумеется, забота о душах предков. Сын Неба, помимо своей задействованности в космических процессах, тоже не забывал об усопшей родне: для этого в Цзунчжоу имелись как «большой» храм, в котором поминались все предшественники по земному пути, включая самых древних, о которых остались лишь смутные воспоминания, так и «малый» – для почитания тех, кто был «на памяти». Через несколько поколений «малый» храм разрушался и на его месте возводился новый. Подобным же образом был устроен культ и в знатных семьях. Простолюдины семейных храмов не имели, таблички с именами усопших стояли на их домашних алтарях, перед которыми глава семьи в присутствии всех домочадцев совершал

жертвоприношения. Уже имелись клановые сельские храмы для почитания родоначальников клана и всех последующих его членов.

Сроки траура были очень велики – как тогда, так и в гораздо более поздние времена. В зависимости от степени родства он доходил до 25 месяцев (но самый продолжительный назывался «трехгодичным»). Похоронив отца или мать, сын в течение всего этого времени спал на циновке и не мог ни стричься, ни прикасаться к женщине.

Существовали разные представления, сколько же у человека душ. В самые древние времена верили, что их две, и после смерти человека его тяжелая, плотская душа сначала отправляется вместе с телом в могилу, а потом оказывается в подземном царстве Желтого источника, а легкая возносится на небеса. Но в более цивилизованные эпохи, подобные той, о которой идет речь, люди, обзаведшись более развитым самосознанием и почувствовав себя в некоторой степени личностями, ограничились верой в одну душу. Той, которая всю жизнь страдала и радовалась, а после смерти отправляется в обитель духов, находящуюся на закате солнца, где-то в западных краях. Но каким-то образом она навещает и свой родной дом, чтобы получить знаки внимания, пропитание и другое необходимое в виде жертвоприношений. О том, что происходит с душами, лишенными заботы близких, мы уже знаем.

Предков не только ублажали, к ним обращались и с конкретными просьбами. Люди богатые, прося о благодеянии, устанавливали в храмах своих предков дорогие бронзовые сосуды, на которых были награвированы тексты прошений. Простолюдины же сжигали перед домашним алтарем кусочек ткани (позднее – листок бумаги) со своей просьбой, и вместе с дымом она отправлялась в мир иной.

В те годы, в конце Шан – начале Чжоу, была обобщена и осмыслена по-прежнему распространенная практика гадания по костям, панцирям черепах, а также добавившегося к ним гадания по побегам тысячелистника. В результате возникла знаменитая книга «Ицзин» («Книга перемен»), впоследствии дополненная пространными комментариями магического и философского характера.

Черточки-трещинки, возникающие на костях или панцире при накаливании, стали относиться к двум основным типам: сплошным (—) и прерывистым, состоящим из двух коротких (-). Они были соотнесены с китайскими мировоззренческими представлениями о двух противоположных силах ян и инь, постоянным противоборством и взаимодействием которых порождаются все вещи и явления, как материальные (вещественные), так и из области душевной или общественной жизни. Представления, делающие честь китайской мысли: в них выразился глубоко диалектический подход к восприятию мира, осмысление его как единства и борьбы противоположностей (за три тысячи лет до Гегеля и Маркса).

Первоначально под ян и инь поднимались соответственно светлая и темная стороны холма или горы, но со временем ян стало носителем начала светлого, небесного, духовного, активного, а инь – темного, земного, материального, страдательного. Ян – солнце, огонь, инь – луна, вода. Внешне зачастую противоборствуя, по сути своей они постоянно стремятся друг к другу: «Ян, достигая предела, превращается в инь; инь, достигая предела, превращается в ян» («Ицзин»). Неспроста на всем нам хорошо знакомом символе «ян-инь», сочетании двух контрастных (белой и черной) завитушек, напоминающих рыбьих мальков или головастиков, на каждой присутствует точка противоположного цвета (если хотите, глазок рыбки).

Качества всех предметов и явлений, а также происходящие с ними перемены определяются различными сочетаниями ян и инь, и вовсе не факт, что ян – это хорошо, а инь – плохо. И того, и другого должно быть в меру. Когда эти начала находятся в гармонии – в природе и в человеческом обществе все протекает размеренно, без катаклизмов. Нарушение гармонии ведет к наводнениям, землетрясениям, голоду, мятежам, войнам. Но существует и обратная связь: к нарушению гармонии ян и инь, а соответственно к разным бедам может привести разброд в душах людей и их злые дела.

В книге «Ицзин» сплошная черточка соответствует ян, прерывистая – инь. Поначалу базовым объектом гадания была комбинация из трех расположенных друг над другом черточек – триграмм. Если все черточки триграммы ян, то она соотносится с такими понятиями, как творчество, небо, крепость, металл, отец; если все инь – исполнение, земля, уступчивость, мать. Сверху две инь, под ними ян – это возбуждение, гром, подвижность, первый сын; сверху две ян, под ними инь – уменьшение, ветер, проникновение, первая дочь. И так далее – всего возможно восемь комбинаций. Конечно, применение таких наборов понятий к конкретной ситуации, по поводу которой осуществлялось гадание (накаливался черепаший панцирь или срывался побег тысячелистника), допускало слишком большие вольности при истолковании. Поэтому триграммы стали рассматривать в паре – из черточек стали образовывать гексаграммы с числом комбинаций 64. Количество применяемых при истолковании понятий резко возросло, появляются как сложные, так и очень конкретные, например, «повозка», «рынок», «глазные веки». 27-я гексаграмма книги «Ицзин», носящая название «Питание», состоит сверху из триграммы «Гора» (символ покоя), внизу из триграммы «Гром» (импульс движения, толчок) – а все вместе в конкретной ситуации может трактоваться как «челюсти». В случае рассмотрения гексаграмм свобода творчества у гадателя все равно необъятная, при свойственном китайскому мышлению символизме ассоциации у него могут возникать самые неожиданные. Но уже само наличие такой солидной научной, вернее магической базы, как «Ицзин», придавало результату гадания немалую убедительность.

Кстати, «Ицзин», как и все книги того и более поздних времен, была написана на дощечках, заготовленных из расщепленного бамбука. Иероглифы следовали сверху вниз, дощечки скреплялись и образовывали связку. Читать приходилось в обратном порядке, отводя в сторону сначала нижнюю. Так и упорядочен с тех пор китайских текст: сверху вниз и справа налево. Если взять такую книгу, как «Ицзин» – сегодняшний томик среднего объема, то в бамбуковом варианте она вряд ли уместилась бы на одной повозке.

Самой ответственной задачей для Чжоу-гуна было наладить управление государством – повторимся, по тогдашним меркам огромного. Вспомним, что обитаемая территория Древнего Египта – не больше Бельгии (30 тыс. кв. км), а царство Чжоу простиралось на сотни тысяч квадратных километров.

Высшими придворными должностями были «великий управитель», «великий воспитатель» и «великий церемониймейстер». Их занимали обладатели почетного титула гун – его мы встречаем в имени Чжоу-гуна. Великим управителем был, конечно же, он. Следующую высшую должность занимал его брат Шао-гун, на которого было возложено воспитание несовершеннолетнего Чэн-вана. Церемониями и всей дворцовой жизнью ведал их родственник Тай-гун. Дальше следовали управляющий сельским хозяйством, управляющий ремеслом и строительством, управляющий военными делами – своего рода министр обороны, главной заботой которого были лошади и колесницы. Высшие должности не были узаконены как наследственные, но впоследствии зачастую переходили из поколения в поколение. У каждого из этих вельмож был свой штат чиновников, и дело было поставлено так, что скучать никому не приходилось. К управлению были привлечены опытные специалисты из Шан.

В основу территориального устройства царства Чжоу была положена система уделов. Иного и быть не могло по целому ряду причин. К удельному устройству пришло на последнем этапе своего существования Шан – во многих отношениях признанный пример для подражания. Следующий аргумент – племенных вождей, в союзе с которыми чжоусцы одержали победу, проблематично было бы превратить в региональных управляющих, по сути – чиновников в рамках централизованного государства. Централизации препятствовал и «географический фактор» – размеры государства и его рельеф. Как мы уже знаем, чжоуские ваны, начиная с подростка Чэн-вана, не пожелали жить в новой столице Лои, а старая, Цзунчжоу, была расположена так, что из нее до многих подвластных областей добираться было и долго, и нелегко.

Чжоуские военачальники, посланные на охрану окраинных территорий, поначалу чувствовали себя брошенными на погибель в какой-то дикой глухомани – но потом осваивались и становились, опять же, почти полновластными правителями.

Только в части страны между старой и новой столицами сравнительно эффективно действовала центральная власть (надо сказать, что это была немалая территория) – во многом благодаря личности Чжоу-гуна, а до некоторой степени и сменившего его со временем Чэн-вана. В этих районах доверенные лица правителей получали поместья, по российским понятиям, «в кормление»: на время своей службы они находились на обеспечении у местных крестьян, но за ними присматривали чиновники из центра. Но со временем и здесь установились отношения, похожие на феодальные.

Уделы повсеместно, а не только во владениях прежних племенных вождей, превращались в княжества, возглавляемые чжухоу. Титул переходил только к старшему сыну, а вступление во властные права происходило только через благословение чжоуского вана на торжественной церемонии в столице государства. Однако князья устраивали свои дворы и управление своими владениями по столичному образцу и все меньше ощущали свою зависимость от вана. Хотя ваны старались регулярно совершать объезды уделов, а чжухоу не менее регулярно посещали столицу для засвидетельствования покорности и обмена дарами. Авторитет вана как Сына Неба и обладателя Мандата был для них высок.

Это было проявлением тенденции более широкой и глубинной, подвижками в общественном сознании жителей царства Чжоу. Во всяком случае, тех из них, кто проживал в средней части бассейна Хуанхэ и в прилегающих областях, на тех землях, которые позже стали именоваться Чжунго – Срединное государство. Мы уже отмечали свойство китайцев ощущать свою сопричастность к общему делу. Теперь, когда в результате всех потрясений произошли большие подвижки населения (на новые, малообжитые земли переселялись целые племена; по воле Чжоу-гуна была рассредоточена по другим областям, перемещена в Лои значительная часть людей наиболее культурных – шанцев), они все интенсивнее становились единым народом. И коренные обитатели Шан, и прежние полуварвары из третьей зоны, какими не так давно были и чжоусцы (на более отдаленной периферии, за пределами Чжунго подвижки шли медленнее, а иногда и в обратную сторону – это еще ох как скажется). С общим языком, культурой, с общими верованиями. Религиозные преобразования, идеи Чжоу-гуна о Мандате Неба глубоко проникли в сердца. Власть чжоуских повелителей обрела несомненное религиозное значение. Ваны действительно воспринимались как Сыновья Неба, а совершение ими обрядов у многочисленных алтарей служило залогом не только людского благополучия, но и гармонии вселенной.

Хотя страна и была разделена на княжества, жизнь в них обустроивалась схожим образом. Единообразной была система уплаты налогов – по образцу шанских «колодезных полей». При этом крестьяне не испытывали выраженной классовой неприязни к власти имущим. Встречались, конечно, господа-самодуры, со склонностью к силовому решению проблем. Но крестьянские общины всегда были готовы постоять за своих, а верхи в целом не воспринимались как кичливые вояки и дармоеды. В Китае все знали, насколько бывает важна четкая организация общих усилий, никто не сомневался в необходимости поддержания боеспособности войска и совершения общих жертвоприношений (обходившихся недешево).

Аристократы красиво жили? Так было на что полюбоваться – согласитесь, это может быть источником немалого удовольствия. А для кого-то и стимулом продвинуться вверх по социальной лестнице – тем более, что в Поднебесной это зачастую было перспективой куда более реальной, чем в какой-нибудь Европе. Чьи-то сердца, конечно, грызла черная зависть, у кого-то сжимались кулаки от затаенной обиды (начиная с VIII в. до н. э. случались и восстания). Но в сборнике древних китайских песен «Шицзин» (подготовленном позднее Конфуцием) читаем такие строки:

Пусть дождь сначала оросит поле гун,
А затем уж и наши поля сы.

Поля сы – это «колодезные» поля крестьян, а поле гун – то, урожай с которого шел князю или следующему по старшинству владельцу (такие уже появлялись). Сознательные они люди, китайские крестьяне. Хотя жилось им, надо думать, нелегко. Как везде нелегко живет крестьянам, тем более в зоне негарантированного земледелия, тем более в бассейне Хуанхэ – реки с большими причудами.

Монета эпохи Чжоу

Работать приходилось не только на земле. Во всех хозяйствах выращивали тутовые деревья для прокорма ненасытного шелкопряда, и во всех домах женщины ткали шелка. Те, что оставляли себе, красили в черный или желтый цвета, те, что предназначались господину, – в красный. Несколько дней в году надо было отработать на господском дворе (это помимо работы на господском поле) – подремонтировать дом, навить веревок. Еще несколько дней – на общих

работах: рытье и чистке каналов, сооружении и ремонте запруд. Надо было бороться с лисами – они были серьезной головной болью. Один зимний месяц посвящался военной подготовке – тоже насущная необходимость. Многим приходилось ходить на войну, воевать в качестве пехотинцев. Строки из «Шицзин»:

На службе царю я усерден, солдат.
Я просо не сеял, забросил свой сад.
Мои старики без опоры¹.

Но там же:

Если пойдешь, государь, сам ты стезею добра,
Люди с тобою пойдут, сгинут и злоба, и гнев.

Главным жизненным предназначением знати была, конечно же, война. Как знать к ней готовилась – мы уже знаем на примере шанских аристократов. Важнейшим делом было и участие в религиозных и дворцовых церемониях. С одной стороны, это было общественное служение, сложное и ответственное. С другой – исполнение ритуалов существенно влияло на участвующего в них человека. Аристократическое чувство собственной значимости принимало еще и религиозный характер. Выработывалась определенная пластика движений, церемонным становилось даже повседневное общение.

Зарождалось то, что много позднее в Европе было названо куртуазностью. Молодые аристократы упражнялись в танцах, в переложении стихов на музыку. Игра на музыкальном инструменте (обычно это была лютя) считалась занятием, достойным молодого человека. На различные торжества приглашали профессиональных музыкантов, в богатых домах их держали постоянно. Эти люди нередко были слепыми, но могли иметь высокий официальный ранг и вообще их занятие считалось почетным (не путать с музицированием куртизанок).

Совместное времяпрепровождение немало способствовало сплочению знати. Упражнения в стрельбе из лука было не только элементом военной подготовки, но и развлечением – устраивались состязания. При этом соревновались только командами: в противном случае проигравший «в индивидуальном зачете» мог почувствовать себя «утратившим лицо», «хуже всех». Моральные нормы аристократов исключали единоборство. Но можно было с увлечением смотреть на схватки борцов из числа простолюдинов, на появившиеся уже петушьи бои – и делать ставки.

Веселые пирушки – особая статья. Запрет Чжоу-гуном потребления спиртных напитков вряд ли пережил своего автора, а поэтому сценки, подобные описанной в «Шицзин», были явлением обыденным:

Званные гости к циновкам подходят сперва,
Справа и слева по чину расселись едва...
Каждый почтителен, тонок и щедр на слова,
В каждом, пока он еще не напился вина,
Важность осанки, как это и должно, видна.
Если уж гости напились пьяными, тут
Спать без толку они и кричат, и орут.
Спутает пьяный сосуды мои без труда,
Спляшет не раз он, шатаясь туда и сюда.

¹ Все стихи из «Шицзин» в переводе А. Штукина.

Тот, кто напьется вина, говорю я, таков,
Что за собой никогда не заметит грехов.
Шапку свою набекрень нахлобучит он вкось,
Пляшет подолгу, кривляется как ни пришлось.
Если напился да сразу оставил твой дом —
Счастье тогда и ему и хозяину в том.
Если ж напился да дом не оставит никак —
Он своему и чужому достоинству враг.
Выпить вина – что ж, обычай сей очень хорош,
Если при том и осанку, и честь сбережешь.

Как видим, здесь не только незлая ирония, но и предостережение: объектом насмешек лучше не становиться, надо помнить о своем «лице». Алкоголизм в Китае всегда был явлением довольно редким, уделом преимущественно людей пропащих, выпавших из общества.

В Чжоу талантливым и доблестным людям из низов путь наверх никогда не был закрыт (как не было этого на протяжении почти всей последующей истории Китая). Выявление таких даже входило в обязанности должностных лиц. Наверное, немало значило представление о дэ человека как о результате его личных усилий.

Выказавший храбрость и способности воин (из тех, что бежали в бой следом за колесницами), хорошо зарекомендовавший себя служащий местной администрации отмечались и вливались в тот низший слой чжоуской знати, который объединялся емким понятием ши: это «мужчина» (в смысле, близком нашему былинному «мужи новгородские», или «мужи князьи»), воин, чиновник. Слой, из которого набирала себе помощников высшая аристократия.

Но чтобы такие выдвиженцы были приняты в элиту как равные, они обязательно должны были усвоить церемонную манеру поведения, а соответственно и определенную манеру мыслить – это были те отличительные черты, которые отделяли людей возвышенных от неотесанных простолюдинов.

Как когда-то в Шан, и при столичном дворе, и при дворах чжухоу стали складываться аристократические клановые структуры с жесткой иерархией, связанной в первую очередь со старшинством родовых связей. Святость семейных и родовых уз была главным цементирующим фактором этих организаций. Семья, со всей полнотой своих родственных отношений, становилась ячейкой клана: власть отца оставалась непререкаемой, а сыновняя почтительность – высшей добродетелью; брат должен был насмерть стоять за брата, дядя – за племянника и наоборот (особенно уважаемыми людьми были дядья по матери); отомстить за убитого родственника, тем более за ближайшего, считалось долгом. Не удивительно, что если в результате придворных интриг кого-то достигала казнь, с ним вместе зачастую шла на плаху вся родня – победители опасались мести. Хотя и без того ответственность семьи за преступление одного из ее членов всегда была в порядке вещей и вытекала из глубинных основ китайского общества.

На основании клановых структур формировалась дружина князя, они же использовались при организации всей системы управления, являлись гарантами ее устойчивости. Верность господину всегда была отличительной аристократической чертой – он уподоблялся отцу.

Вскоре к аристократическим клановым структурам снизу стали примыкать менее организованные, но многочисленные кланы сельского люда – их члены стали включать в свои имена фамильную принадлежность старшего клана. Конечно, это было неплохой возможностью для налаживания отношений «классового сотрудничества». Так же, как включение в состав структур городских ремесленников и торговцев. Они хоть и пребывали зачастую в большой зависимости от знати, находясь в положении своего рода ее слуг, но представляли собой уже немалую силу.

Вскоре с неизбежностью обозначились и те тенденции, что когда-то способствовали падению Шан. Боковые ветви знатнейших аристократических кланов стали выделяться и создавать собственные кланы, претендуя на лидирующее положение при дворах вана и чжухоу. Пока, правда, до острых конфликтов с правителями дело не доходило. Чжухоу даже использовали межклановые противоречия для укрепления собственного авторитета, беря на себя роль арбитров и примирителей; и их княжества были достаточно внутренне сплоченными и сильными. Но придет время, и усобицы, да к тому же раздирающие общество по всей его вертикали – «клан на клан», станут прискорбной военно-политической обыденностью.

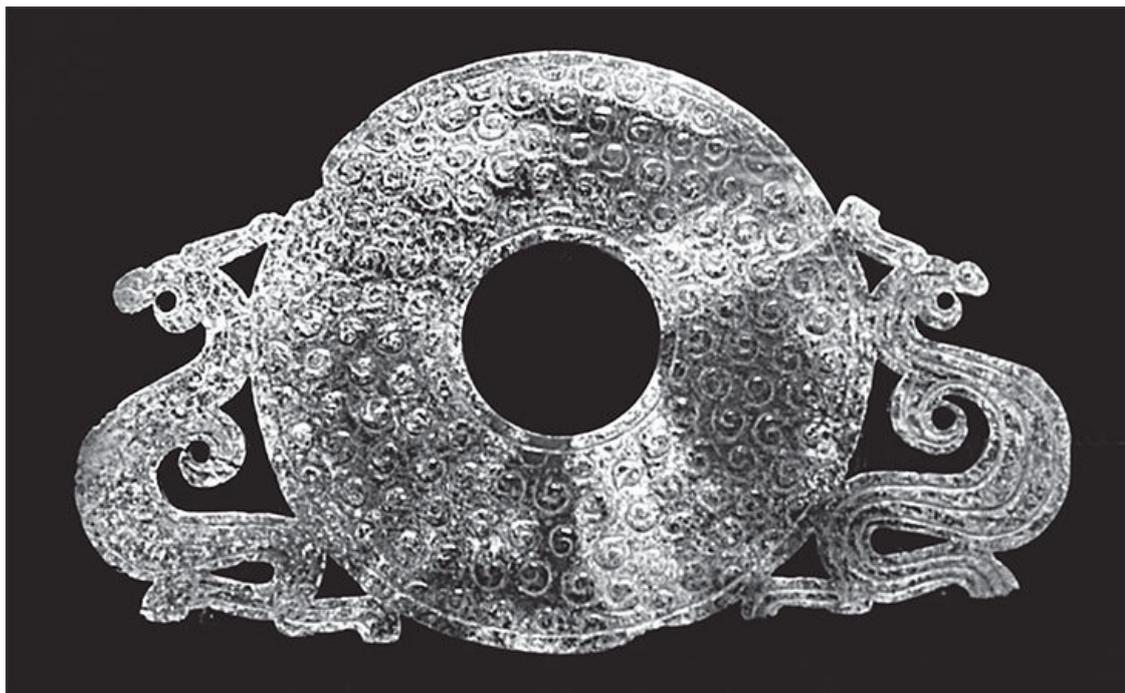
Когда Чэн-ван достиг совершеннолетия, он пожелал сам заняться делами управления государством. Чжоу-гун, верный своим высоким моральным принципам, беспрекословно уступил ему кормило.

О правлениях Чэн-вана, его сына Кан-вана и внука Чжао-вана до нас дошло мало сведений. Продолжался период стабильного развития, которое было обеспечено деятельностью Чжоу-гуна. Так, про Кан-вана (правил в XI в. до н. э.) в летописи сказано, что он «щедро ода-рял своих родственников уделами и дал народу отдых, что способствовало упокоению государства».

Эти ваны, положившись на надежность установившегося в их царстве порядка, немало усилий направили на расширение границ на севере и на юге. Но уже при Чжао-ване (правил в X в. до н. э.) появились первые свидетельства того, что это надо было делать обдуманнее: завоеванное попадало под влияние, а вскоре и под властную руку периферийных князей. Они сами были недавними варварами, им проще было найти с новыми подданными царства общий язык, и их сила существенно увеличивалась за счет этого. Сам Чжао-ван не вернулся из очередного похода на юг, и с ним вместе полегло (при непроясненных обстоятельствах) шесть армий.

Последний из сильных чжоуских правителей – Му-ван (правил в X в. до н. э.). Он много воевал на севере и на западе, был знатоком лошадей, а еще очень любил путешествовать и даже, если верить преданию, побывал у знаменитой Матери-Правительницы Запада богини Сиванму.

На протяжении последующих нескольких десятилетий ваны предпринимали попытки вновь утвердить себя в качестве сильных центральных владык. Ли-ван практиковал конфискацию и присоединение к своему чжоускому домену (областям, управляемым из столицы) удельных владений, князей которых находил возможным в чем-то обвинить. При этом для него не лишней была и помощь потусторонних сил: при исполнении каких-то мракобесных обрядов подученные им шаманы указывали на заранее обреченного чжухоу как на изменника – и того ждала казнь. Но, скорее всего, несчастные не были князьями высшего разбора. Наиболее влиятельные, действительно, однажды сговорились, свергли своего повелителя и упекли его в дальнюю ссылку (заметьте, не убили – личность вана как Сына Неба и держателя Мандата была священна).

Нефритовый амулет с двумя драконами (Восточное Чжоу)

Его сын, малолетний Сюань-ван, во время мятежа догадался укрыться в доме первого министра. Об этом разузнали, у дома собралась негодующая толпа. Но царедворец, следуя кодексу аристократической чести, уговорил мятежников принять взамен его собственного сына (который тоже сумел улизнуть). В конце концов страсти успокоились, и те четырнадцать лет, что оставались до совершеннолетия Сюань-вана и в которые попеременно правили регенты, навсегда вошли в историю Поднебесной как эра Всеобщей Гармонии.

Но Сюань-ван повзрослел, и гармонии не стало никакой. Правда, это если верить позднейшим официальным историческим источникам. А если попробовать заглянуть сквозь ширму их предвзятости, просматривается не только человек с крутым нравом и склонностью к самодурству, но и правитель, который трезво оценивал ситуацию и видел возможность распада государства, чему пытался противодействовать.

Сюань-ван затеял ввести единый для всего государства налог-десятину, который позволил бы ликвидировать систему «больших» и «колодезных» полей. Для этого он имел смелость отказаться от проведения ритуальной борозды на дворцовом «большом» поле, а потом приступил к организации проведения всеобщей переписи, которая послужила бы основой для составления налоговых списков. Князья сразу же сообразили, что готовится посягательство на их автономию, и, как люди благочестивые, углядели в этом нарушение мировой гармонии.

Позднейшая история сложилась так, что ее описывали в угоду их потомкам, а широкое общественное мнение более отдаленных веков доверчиво относилось к творениям древних авторов. Так что Сюань-ван предстает перед нами государем малосимпатичным – как и его сын Ю-ван. Про них и легенды стали сочинять соответствующие. Судите сами...

Сюань-ван услышал на улице, как мальчишки громко распевают песенку, в которой говорилось, что «лук из горного тута и колчан из бобовой ботвы» навлекут на Чжоу большие беды. И вот на улицах Цзунчжоу появляются крестьянин со своей женой и предлагают как раз такой товар. Сюань-ван, извещенный об этом стражниками, долго не размышлял – приказал схватить и обезглавить пришельцев. Но те или просто почуяли что-то недоброе, или действительно служили орудием рока – укрылись в царском саду. А там вдруг услышали детский плач и обна-

ружили под дворцовой стеной крохотного ребенка – девочку. Пожалев малютку, они забрали ее к себе в деревню, выходили и вырастили.

А девочка была тоже не просто так, и предистория ее появления на белый свет была очень давнишняя. Еще во времена династии Ся (которая может быть была, а может быть и нет) в царский дворец явились два разнополых дракона с переплетенными хвостами (у драконов это признак интимной близости). Они поведали, что когда-то были князем и княгиней в царстве Бао. Хвостатых гостей приняли с почетом, попотчевали и одарили, после чего они вдруг исчезли. Но на полу осталось драконье семя. Его собрали в шкатулку, которую, от греха подальше, надежно упрятали.

Спустя века и династии шкатулка попала к упоминавшемуся выше деспотичному Ли-вану, которому все было нипочем. Наслышанный, что в ларце таится нечто сомнительное и опасное, он все же ее вскрыл. На пол дворцового зала сразу пролилось нечто зловонное и липкое. Гадость пытались соскрести, но это никак не удавалось. Прибегли к магическому обряду: обнаженные девушки прокричали над ней положенное заклинание (женская нагота обладала у древних китайцев не меньшей колдовской силой, чем в более поздние времена. Очевидно, отчасти поэтому она отсутствует в их изобразительном искусстве – с такими вещами не шутят). От этих заклинаний непотребная жижа превратилась в огромную черную черепаху. Рептилия стремительно понеслась по дворцу, наделала переполох и исчезла, но по пути сшибла в дверях восьмилетнюю девочку. Этого удара хватило для того, чтобы та, достигнув зрелости (тогда правил уже Сюань-ван), без всякой видимой причины забеременела и в положенный срок родила девочку. Во избежание срама она тайком перебрала малютку в дворцовый сад, где ее и обнаружили укрывшиеся от стражников крестьяне.

Девочка, которую назвали Бао Сы, выросла красавицей, и ее забрали во дворец. Там она вскоре стала любимой наложницей преемника Сюань-вана – его сына Ю-вана, мужчины глуповатого и слабовольного.

Бао Сы, с ее-то родословной, быстро взяла государя под каблук, заставляя исполнять любую ее причуду. Но что для нее ни сделай – не поймешь, довольна она или нет. Бао Сы никогда не смеялась. И тогда Ю-ван затеял до идиотизма нелепую крупномасштабную потеху: на сигнальной башне был зажжен огонь, оповещающий о нападении на столицу. С башни на башню, с горы на гору сигнал был передан вплоть до самых отдаленных уголков царства. Отовсюду устремились на подмогу войска. Но по прибытии войны оказывались в недоумении, не понимая, в чем дело – никакого неприятеля обнаружить они не могли. Отряды начинали метаться по улицам и площадям огромного города, где сталкивались и перемешивались с ранее прибывшими и вновь подходившими. Толчея, крики, перебранки, драки. Бедлам полнейший. И тут Бао Сы впервые в жизни от души расхохоталась, а ван был счастлив.

Он проделывал такую штуку еще несколько раз, но охотников поверить очередной тревоге становилось все меньше – все меньше радовалась и Бао Сы. Наконец, произошло то, о чем читатель мог уже догадаться, – как в истории про дурака, который забавлялся тем, что кричал «тону», а когда действительно свело ногу – никто не пришел на помощь.

Дело было так. Когда Бао Сы родила вану сына, она ловко опорочила его законную жену, и государыня была лишена своего титула. Потом несколько раз покушалась расправиться с ее сыном, законным наследником И-цзю. Но дядя низвергнутой царицы, могущественный князь Шэнь-хоу, не мог стерпеть таких оскорблений ей и всему своему роду. Он сговорился с вождями нескольких варварских племен, прежде всего, хунну – эти кочевники, успевшие уже прочно оседлать коней, всегда были готовы на лихие дела. Все вместе они обрушились на Цзунчжоу. Ю-ван в страхе приказал дать тревожный сигнал, но простаков, чтобы поспешить на выручку к столице, на этот раз совсем не нашлось.

Город был взят, ван со своей ненаглядной пытались бежать, но их настигли. Государь был убит, Бао Сы, благодаря своей неувядающей красоте, оказалась в гареме одного из варварских

вождей. На трон, с согласия всех князей, был возведен наследник И-цзю, принявший имя Пин-вана.

Пин-ван после всего произошедшего понимал, что его столица находится в слишком большой близости от усилившихся варварских племен и теперь практически беззащитна перед их вторжениями. Поэтому в 771 г. до н. э. он со всем своим двором перебрался восточнее, вниз по Хуанхэ, в Лои – поближе к центру своего государства. «Чтобы избавиться от нападения жунов» – как говорилось в указе. Сделал то, на чем настаивал еще мудрый Чжоу-гун, имея в виду не столько кочевников – «жунов», сколько своих же чжухоу, чьи амбиции всегда нуждаются в присмотре.

Но это был уже запоздалый шаг. Чжоуский ван стал государем, не обладающим сколь-нибудь значимой военной силой. Тем не менее, он продолжал пользоваться непререкаемым духовным авторитетом, Мандатом Неба. В Поднебесной все признавали, что это благодаря его ритуальному общению с Шанди и прочими божествами, благодаря его унаследованному и благоприобретенному дао поддерживаются мировая гармония и порядок в государстве. Только его утверждение делает княжеский титул и княжескую власть законными – пусть эта процедура и становится все более формальной. Такое почтение к духовной санкции государя стало одной из характерных черт эпохи Восточного Чжоу. А эпоха Западной Чжоу закончилась в 771 г. до н. э. – с переездом Пин-вана в Лои.

Женщина в старом Китае

После уже состоявшихся встреч с такими персонажами, как Та-цзы и Бао Си, уместно, перед тем, как двинуться дальше по временной шкале, поговорить немного о положении китайской женщины в обществе – к тому времени его основные черты уже определились.

Помимо этих своенравных и вообще специфических дам, мы упоминали и о тех бедолагах, что отправлялись вслед за своим господином в мир иной, и о скромных труженицах, коротавших зимние вечера за ткацким станком (говорили и о героинях мифологии – но они особая статья).

Что касается первобытных дикостей в виде умерщвления вдов и служанок – общепринятым обычаем это перестало быть довольно рано, хотя рецидивы и случались. Были и случаи добровольного ухода вдовы вслед за мужем, во многом благодаря влиянию традиций кочевых народов. В широком общественном сознании такое могло ставиться в положительный пример – но, думается, скорее не как руководство к действию, а как повод пристыдить малосознательную жену или невестку – вот, мол, какие бывают. Хотя еще в конце XIX века выдавался за достоверный рассказ о том, что девушка была заочно обручена, а когда ее суженый неожиданно скончался – без тени сомнения легла в ту же могилу, куда опустили гроб жениха, которого она так ни разу в жизни и не повидала.

Рождение мальчика в семье встречали с радостью, девочка же воспринималась как временная жиличка, которая перейдет в чужой род и будет поклоняться душам чужих предков. А когда умрет сама – табличка с ее именем будет стоять на алтаре в доме мужа. И хорошо еще, что так: не выданной замуж дочери в родном доме таблички не полагалось, хоть бы она и дожила в нем до глубокой старости. В лучшем случае – из милости к никудышной душе поставят где-нибудь в стороне.

До сих пор во многих китайских семьях девочка до тех пор не притронется к новой игрушке, пока ею не натешатся братья. В одной из песен «Шицзин» содержится наставление, что маленького сына надо «с почетом класть на кровать», «яшмовый жезл, как игрушку, дарить», дочка же может поспать на полу, а вместо кукол ей сойдут и куски черепицы. Но много ли встречалось отцов и матерей, тем более дедов и бабок, которые действительно следовали таким наставлениям, – вопрос к специалистам по исторической психологии.

Бытовала еще такая традиционная установка, что молодым не то что хорошо бы заранее получше узнать друг друга – им вообще лучше всего увидеться в первый раз только во время свадебного обряда. Но попробуй уследи – особенно в деревне (а там всегда проживало подавляющее большинство китайцев), где все рядом: и в поле на работе, и в лес по ягоды, и вообще весна есть весна. Вспомним такую песню из «Шицзин»:

Чжуна просила я слово мне дать
Больше не лазить в наш сад, на беду,
И не ломать нам сандалы в саду.
Как я посмею его полюбить?
Страшно мне: речи в народе пойдут.
Чжуна могла б я любить и теперь,
Только недоброй в народе молвы
Девушке нужно бояться, поверь!

Все же думается, что «молвы бояться – в лес не ходить» считал не только Чжун, но и его подружка. В этой песне дышит живая жизнь, как и в такой вот:

Слива уже отпадает в саду,
Стали плоды ее реже теперь.
Ах, для того, кто так ищет меня,
Мига счастливей не будет, поверь.
Сливы уже отпадают в саду,
Их не осталось и трети одной.
Ах, для того, кто так ищет меня,
Время настало для встречи со мной.
Сливы опали в саду у меня,
Бережно их я в корзину кладу.
Тот, кто так ищет и любит меня,
Пусть мне об этом скажет в саду.

В целом, конечно, женщина считалась существом второго сорта. Вспоминается сценка из китайского исторического фильма (впечатление он производил достоверное). Престарелый отец решает вправить мозги непутевому сыну – гуляке и выпивохе. Тот становится на корточки, задирает халат – и старик начинает потчевать его бамбуковой кашей. Присутствующая при этом невестка взывает к милосердию: «Отец, умоляю, простите его!». Наказуемый немедленно вскакивает и в ярости начинает хлестать жену по щекам: «Как ты смеешь, дрянь, встревать в мужские дела!». А старик-отец спрашивает его, неуверенно и даже немного заискивающе: «Сынок, не будь так строг с ней, она же всего лишь женщина».

На первые роли выходили только заслуженные матери семейств, жены «большаков», а тем более их вдовы. Только надо помнить еще и о том, что глава семьи, когда уже седина в бороде и бес в ребре, мог привести в дом наложницу и сделать полноправным наследником ее сына, а не кого-то из сыновей своей благоверной. Но как всегда и всюду, так и в Китае – хоть в древнем, хоть в каком: кому как повезет, кто как стоит на своем.

Но в одной сфере китайским женщинам с древнейших времен повезло, пожалуй, больше, чем представительницам прекрасного пола других национальностей – в сфере интимной жизни. Не будем слишком углубляться в этот заманчивый предмет, но отметим, что китайцы были убеждены в том, что правильно исполненный любовный акт не затуманивает разум, а позволяет приобщиться к предельно доступной человеку полноте космического бытия. Настоящий мужчина в любовной игре должен заботиться в первую очередь об удовольствии женщины, а не о своем. С чистой совестью он может испытать оргазм только после того, как четыре раза предоставил такую возможность своей подруге.

После утоления чувств

Мало что знача в этом управляемом мужчинами мире, женщины проникались его законами по большей части благодаря строгому воспитанию и строгим порядкам. Но если они попадали в нетрадиционную обстановку, и появлялась какая-то брешь для выплеска энергии – тут у многих разворачивались во всю ширь подавленные архетипы, очень изощренно ломая все нормативные рамки. Особенно это было характерно для царских, княжеских, ясновельможных и всяких прочих гаремов.

Ради того, чтобы занять положение главной (или любимой) жены – не говоря уже о статусе царицы (позднее – императрицы), чтобы сделать своего сына законным наследником в обход любого из его единокровных братьев – разыгрывались самые замысловатые интриги. В ход шли наветы, яд, кинжал, что угодно – соперница не могла рассчитывать на пощаду. Так же, как ее сыновья. Младшая жена или наложница, внушающая господину, что нынешний определенный им в наследники отпрыск только о том и помышляет, как бы его отравить, – распространенный сюжет китайской литературы и театра.

И все это – наряду со скромно опущенными глазками, изысканными плавными движениями, грациозными танцами и проникновенными песнопениями. Красавиц можно было принять за небожительниц-фей.

Обитательницы китайских гаремов не были полными затворницами, как это было заведено впоследствии в мусульманских странах. Но надзор за ними был строжайший, и для этого все чаще привлекались евнухи. Сначала это были только бдительные стражи и соглядатаи, к которым, наряду с опаской и легкой брезгливостью, можно было испытывать и некоторую жалость. Но со временем мы увидим, каких фантастических высот власти, какой всеохватывающей широты влияния достигнут эти безбородые, тонкоголосые, склонные к полноте, раздражительные существа.

Восточное Чжоу – «весны и осени» (Период Чуньцю)

Чуньцю – это и есть «весны и осени». Так называется историческая хроника, составленная в V в. до н. э. в небольшом царстве Лу. К тому времени уцелевшие в междоусобной борьбе уделы превратились в самостоятельные царства (глав которых мы все-таки будем чаще называть князьями – из уважения к чжоускому вану). Сюань-ван совершенно верно оценил направление развития.

На первый взгляд – хроника провинциальная, и написанная с провинциальных позиций. Были и куда более удобные точки обзора общекитайской исторической действительности. Так что можно было бы найти более подходящее название для целой эпохи. Но именно эта хроника вошла в знаменитый канон литературных памятников, который должны были заучить назубок не только все шэньши – обладатели ученой степени, дающей право поступления на государственную чиновную службу, но и вообще все люди образованные. В Лу родился и провел значительную часть своей жизни величайший из всех китайцев – Кун-цзы, Учитель Кун, более известный нам как Конфуций. Это он и отредактировал хронику и включил ее в канон, который часто называют конфуцианским. А еще – в давнее время удел Лу был пожалован хорошо нам знакомому Чжоу-гуну, и здесь свято хранились связанные с ним реликвии и предания о нем. Так что место вдвойне славное. Ну что ж – Чуньцю, так Чуньцю.

Бронзовый сосуд (V в. до н. э.)

Прежде чем перейти к изложению истории Восточного Чжоу, хочу призвать читателя к бдительности (нам не впервой). Дело в том, что мы будем говорить о таких государственных образованиях, как Ци, Цинь, Цзинь и других не менее звонких, не говоря уже об Чу и У. Постарайтесь в них не путаться. Это особенность китайского языка: в нем очень много омонимов, одинаково или сходно звучащих слов, обозначающих разные вещи и понятия. Есть провинции Шаньси и Хэнань, есть провинции Шэньси и Хунань. Китайцам проще, и образованным и неграмотным. Во-первых, трудноотличимым на наш слух названиям соответствуют несхожие иероглифы. Во-вторых, в китайской разговорной речи очень много значит тональность произнесения слов: скажешь что-то, сделав ударение посильнее – это обозначает одно, произнесешь те же звуки без нажима – слушателю не надо объяснять, что ты имеешь в виду совсем другое. И так – до четырех уровней. А нам просто надо быть повнимательнее.

Чжоуские князья, признавая не только на словах, но и сердцем сакральную (религиозную, духовную) значимость перебравшегося в Ло-и Пин-вана и его преемников, в более земном плане вели себя как полноправные повелители. Вступающие на престол чжоуху считали своим долгом получить от вана подтверждение своего титула, для чего к ним прибывал посланец Сына Неба и в главном местном храме, в торжественной обстановке вручал правителю жезл.

Но это стало почти рутинной процедурой. Тем более практически ничего уже не значило по-прежнему формально существующее право вана влиять на назначение высших вельмож при дворах князей.

И к некоторым чжухоу навевалась-таки крамольная мыслишка – а чем, собственно, они не ваны? И сильнее, и богаче, и агрессивней, и соседи их боятся. Однако если кто-то дерзал на такое, объявлял себя ваном – на него смотрели как на невоспитанного хвастуна, и самопровозглашенный титул никто не признавал. Культурному князю из Поднебесной, тем более из Срединного Государства Чжунго так вести себя не подобало. Еще куда ни шло, если на подобное дерзнет деспот из какого-нибудь полуварварского окраинного Цинь – что взять с Дикого Запада?

А диким был, вернее, считался не только запад. И на севере, и на юге были свои кочевники и полукочевники: хунну, тибетцы. Спросись со своими малорослыми, увертливыми, сильными лошадами, они, оставаясь вне Поднебесной и пребывая в противостоянии с ней, тем не менее, перенимали много полезного для себя. В те далекие времена кочевники занимали гораздо больший удельный вес в суммарном населении Восточной Азии, чем сейчас. Тибетцы же, объединяясь для разных дел, выставляли армии в несколько сотен тысяч всадников.

Эти племена еще заявят о себе во весь голос – мало не покажется. Пока же главные вопросы решались путем выяснения отношений между княжествами Восточного Чжоу. Это не было еще борьбой всех против всех – препятствовало хотя бы все то же чувство культурной, в первую очередь религиозной общности. Но интриги, локальные союзы, подкрепленные династическими браками, плелись вовсю.

Впрочем, и стрелы порою летели уже достаточно густо. Вследствие перечисленных причин княжеств становилось все меньше: сильные вбирали в себя слабых, и их начинали величать царствами. Причем те, что сложились в центре Чжунго, были не из сильнейших (в том числе Лу). У самого же вана вокруг Ло-и осталось совсем немного земель: большинство исконных чжоуских уделов обрело новых хозяев.

На западе сильнейшим было царство Цинь, считавшееся полуварварским. Примерно такое же реноме было у южного Чу, но в нем было очень много плодородных земель и оно шагнуло уже далеко за Янцзы. В низовьях рек Хуанхэ и Янцзы – царство У, к северо-востоку от него – Юэ. На северо-западе очень велико было Цзинь, на восток от него лежало Вэй, потом Янь, Сун (в нынешней Маньчжурии), Ци – уже на крайнем востоке, на Шаньдунском полуострове. Кстати, несносная Хуанхэ впадала тогда в Желтое море к югу от полуострова, а не северо-западнее, как сейчас (будем надеяться, ее наконец-то надежно утихомирили). Миграция огромной водной артерии – на 800 километров! Царства, тем более княжества, больше перечислять не будем. Отметим только, что западное Цинь и северо-восточное Сун долгое время раздирали жестокие внутренние усобицы.

Отметим и важнейшее событие из «цивилизационного» ряда – в Китае начался железный век. Железо пришло в Поднебесную довольно поздно, через несколько веков после того, как его научились выплавлять хетты. Но китайцы, применив в металлургии свои прекрасные гончарные мехи, очень скоро научились выплавлять сталь. Качественный и дешевый металл стал применяться повсюду. В первую очередь, конечно, для производства смертоносного оружия и средств защиты от него, но во вторую и последующие – для изготовления плужных лемехов и другого деревенского инвентаря, кухонной посуды и прочего.

Больше всех разбогатело тогда, в VII в. до н. э., восточное царство Ци. Оно успешно торговало и железом, и изделиями из него. А еще солью, выпариваемой из морской воды – повелитель монополизировал этот промысел, и в казну шли немалые доходы.

Усиление Ци в те далекие века стало, возможно, судьбоносным событием для всей последующей истории Китая. К тому времени закончились внутренние смуты в полуварварских Цинь и Сун, и они стали быстро наращивать мускулы. Окрестные штатные варвары тоже уси-

ливались и постоянно беспокоили Поднебесную. Большинство же царств Чжунго, носителей высокой чжоуской культуры, или враждовали между собой, или переживали внутренние распри – настолько ожесточенные, что враждующие партии не останавливались ни перед убийством правителей, ни перед поголовным истреблением целых знатных кланов. Ци оказалось, пожалуй, единственным «срединным» царством, которое смогло противодействовать угрозе варваризации.

Возвышению Ци предшествовали драматические события. В царстве, как и повсюду, шли междоусобицы, продлившиеся несколько десятилетий. Когда в 685 г. до н. э. престол в очередной раз опустел, занять его рвались два находившихся в смертельной вражде брата – Цюй и Хуань-гун. Причем оба укрывались тогда в других царствах, но имели много сторонников на родине.

Цюй находился в более близком Лу. Когда до него дошло известие, что брат уже на подходе к Ци, то его ближайший советник Гуань Чжун бросился с отрядом воинов наперерез. Была устроена засада, и Гуань Чжун меткой стрелой собственноручно сразил Хуань-гуна. К Цюю в Лу был отправлен гонец с радостной вестью, что его брат убит.

Но оказалось, что Хуань-гуна спасла от верной смерти металлическая пряжка. Быстро оправившись от ранения, он прибыл в Ци и взошел на трон. Прощать коварное покушение он не собирался. В Лу было направлено посольство с требованием, чтобы его брат Цюй был казнен вместе со своим советником Гуань Чжуном. Царство Лу, как мы знаем, было не из сильных, и наживать себе беду из-за чужих дряг там не собирались. Спустя некоторое время неудачливый претендент на трон был казнен.

Но Гуань Чжун избег такой участи, у него нашелся влиятельный заступник: давний его приятель Бао Шу, с которым они не раз вели совместные торговые дела, был близок к новому цискому повелителю. Он клятвенно заверял Хуань-гуна, что Гуань Чжун – человек необыкновенных способностей, и его лучше иметь при себе, чем обречь на смерть, поддавшись чувству мести. Государь послушался совета, и пленник был доставлен в Ци. Хватило всего одной ночной беседы, чтобы он, покайся перед князем и поклявшись ему в верности, стал его советником. Хуань-гун доверил Гуань Чжуну проведение важнейших реформ, и тот стоял во главе управления царством в течение сорока лет.

Реформы эти привели к тому, что Ци на долгое время стало сильнейшим в Поднебесной. Ими были заложены некоторые принципиальные основы государственного устройства, которые, дополняясь и совершенствуясь на протяжении веков, послужили созданию необыкновенно продуманной и эффективной для своего времени китайской системы управления (если говорить прямым текстом – командно-административной системы, только гораздо более гибкой, чем советская).

Жители столицы царства и ее окрестностей были распределены по подразделениям: в трех состояли ремесленники, в трех – купцы, в пятнадцати – представители воинского сословия (надо полагать, простонародные подразделения были гораздо многочисленней, чем аристократические). Но они были объединены в более высокие структурные единицы таким образом, чтобы в каждой состояли представители всех сословий. Сделано это было для того, чтобы сословия учились лучше понимать друг друга, проникались общими интересами, перенимали друг у друга некоторые навыки.

Низовыми структурными единицами сельского населения стали группы из 30 семейств, затем следовали волости и так далее – вплоть до округов, во главе которых стояли сановники очень высокого ранга – дафу. Дафу должны были регулярно отчитываться о всех делах своего округа. Существовала также служба инспекторов, которые следили за положением на местах и информировали о нем центр. У руководителей всех уровней был свой штат государственных служащих, и в результате начинал складываться тот слой чиновничества, члены которого име-

новались уже известным нам термином ши и который составил фундамент всей государственной системы старого Китая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.